

МИРОВОЙ СУДЬЯ

Об итоговом этапе разработки законодательства
о мировых судьях в Российской империи

Понятие и критерии правосудности решений
уголовного суда

Развитие института недопустимых доказательств
в уголовно-процессуальном праве: проблемы
и перспективы

Проблемы, связанные с отказом от использования
института подведомственности

юрист
издательская группа

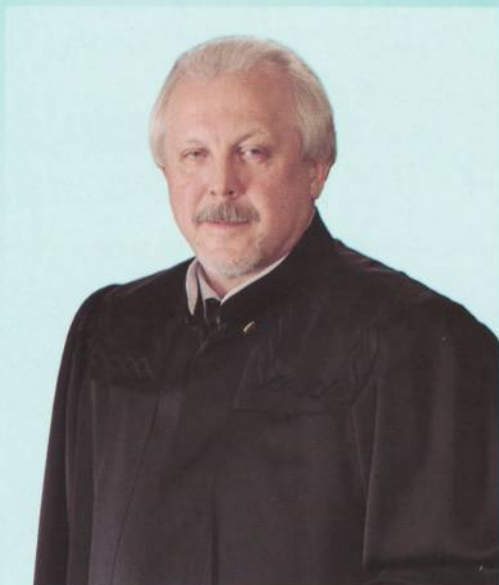
№ 8
2021

ISSN 2072-4152

9 772072 415778 >

Поздравляем с юбилеем!

Владимир Васильевич Дорошков
*главный редактор журнала, член-корреспондент
Российской академии образования,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

Уважаемый Владимир Васильевич!
Примите наши искренние поздравления с юбилеем!

На всем протяжении трудового пути Вы демонстрировали приверженность букве закона, верность служебному долгу, принципу справедливости. Вы всегда трудились с максимальной отдачей, проявляли высокую профессиональную компетентность и ответственность. Благодаря порядочности, мудрости и справедливости суждений Вы снискали заслуженный авторитет среди коллег. Уйдя в отставку, Вы продолжаете свой трудовой путь, подготавливая высококвалифицированных специалистов.

Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой жизненной энергии, молодости души, поддержки единомышленников, сил и терпения в решении каждодневных задач.

С уважением и благодарностью за сотрудничество,
коллектив Издательской группы «Юрист»

МИРОВОЙ СУДЬЯ

№ 8
2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Выходит ежемесячно. Издается с 2003 г.

Учредитель журнала — Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума, судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостолова Наталья Николаевна, профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна, заведующая кафедрой уголовного процесса Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Национального исследовательского университета имени С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович, проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ), доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, академик Российской академии образования

Попов Иван Алексеевич, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник Министерства внутренних дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич, судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович, судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Бельих В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура: Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 15093, «Почта России» — П1700, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Содержание

Теория и история правосудия

Илюхина В.А. Об итоговом этапе разработки законодательства о мировых судьях в Российской империи..... 3

Даниелян Д.Р. Тенденции развития судебной системы Российской Федерации на примере организации конституционного правосудия..... 7

Бурмагин С.В. Понятие и критерии правосудности решений уголовного суда..... 12

Уголовное судопроизводство

Зинченко И.А., Слифш М.В. Развитие института недопустимых доказательств в уголовно-процессуальном праве: проблемы и перспективы 18

Пушьева Л.А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (общетеоретические и отраслевые аспекты) 24

Гражданское судопроизводство

Михайлова Е.В. Проблемы, связанные с отказом от использования института подведомственности..... 32

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Формат 170x252. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152. Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа», 248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 29.07.2021. Выход в свет: 05.08.2021. Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

JUSTICE OF THE PEACE

No. 8
2021

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
REG. PI No. FC77-29335 of August, 24. 2007. Published monthly. Published since 2003.

Founder of the journal — Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,

Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal Investigative Technique of MGIMO of the RF Ministry of Foreign Affairs, Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF, Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,

Professor of Procedural Law Southern-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the RF, LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,

Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,

Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,

Head of the Department of Criminal Process of the Yaroslav the Wise, LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,

Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, LL.D., Professor

Pavlikov Sergej Gerasimovich,

Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the RF, LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,

Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU), Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,

Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the RF, Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,

Head of the Department of Civil Law and the Process of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,

Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,

Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law).

Address of the Editorial Board / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Unified Catalogue. Russian Press — 15093,

Russian Post — П11700 and on: www.lawinfo.ru

Contents

Theory and History of Justice

Ilyukhina V.A. On the Final Stage of the Development of Laws on Justices of the Peace in the Russian Empire 3

Danielyan D.R. Tendencies of Development of the Judicial System of the Russian Federation on the Example of Organization of Constitutional Justice 7

Burmagin S.V. The Concept and Criteria of Justness of Criminal Court Judgments 12

Criminal Proceedings

Zinchenko I.A., Slifish M.V. The Development of the Institution of Inadmissible Evidence in the Criminal Procedure Law: Problems and Prospects 18

Pupysheva L.A. Special Proceedings in the Modern Russian Differentiated Criminal Procedure (General Theoretical and Branch Aspects) 24

Civil Proceedings

Mikhaylova E.V. Problems Related to the Refusal from the Use of the Jurisdiction Institution 32

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

Use of materials in others editions allowed only with the written consent of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of basic results of PhD and doctoral theses (12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at ConsultantPlus reference legal system.

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1. Printer's sheet 3,0. Conventional printing sheet 3,0. Free market price. Circulation 4000 copies. ISSN 2072-4152.

Printed by National Polygraphic Group Ltd. Bldg. 2, street Svellaya, s. Severnij, Kaluga, 248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 29.07.2021. Issue was published: 05.08.2021. Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial board shall be prosecuted in accordance with law.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Об итоговом этапе разработки законодательства о мировых судьях в Российской империи

Илюхина Вера Александровна,
доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
старший научный сотрудник Научного центра Нижегородского института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
eva3011@bk.ru

В статье рассматривается малоизученный в научной литературе этап разработки законодательства о мировом суде в Российской империи. Анализируется обсуждение дискуссионных вопросов о мировых судьях в период с принятия «Основных положений преобразования судебной части в России» до принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в Комиссии, созданной при Государственной канцелярии.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировой суд, мировые судьи, подготовка Судебной реформы 1864 г., Российская империя.

On the Final Stage of the Development of Laws on Justices of the Peace in the Russian Empire

Ilyukhina Vera A.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the FPS of Russia
Senior Research Scientist of the Research Center of the Nizhny Novgorod Institute
of Management, Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, PhD (Law), Associate Professor

The article deals with a little-studied stage in the scientific literature of the development of legislation on magistrate's court in the Russian Empire. The article analyzes the discussion of controversial issues about justices of the peace in the period from the adoption of the "Basic Provisions of the Transformation of the judicial part in Russia" to the adoption of Judicial Statutes on November 20, 1864 in the Commission established under the State Chancellery.

Keywords: magistrate's justice, magistrate's court, justice of the peace, preparation of the Judicial Reform of 1864, the Russian Empire.

Идея мировой юстиции возникла в Российской империи достаточно поздно. Автором первого проекта, известного под названием «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», в котором нашлось место некоему прообразу мирового суда, являлся С.Е. Десницкий. Этот документ он подал Екатерине II в 1768 г. в контексте работы знаменитой Уложенной комиссии.

Позже, в 1814 г., председатель Государственного совета В.П. Кочубей представил императору Александру I записку, в кото-

рой предлагал ввести институт «мирных судей». Появлялись и другие проекты, однако все они остались нереализованным. Мировая юстиция как факт исторической реальности появилась в Российской империи достаточно поздно — в качестве одного из результатов Судебной реформы 1864 г.

Естественно, принятию Судебных уставов 1864 г. предшествовала длительная подготовительная работа. С октября 1858 г. по октябрь 1861 г. идея о введении мировых судей прорабатывалась в качестве одного из элементов крестьянской ре-

формы. С октября 1861 г. по апрель 1862 г. нормы о мировом суде рассматривались на законопроектном уровне в Государственной канцелярии в качестве составной части подготавливаемых «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. Наконец, с апреля по сентябрь 1862 г. законопроекты о мировом суде обсуждались в Государственном совете.

Итогом всей названной выше законопроектной деятельности стало Высочайшее утверждение Александром II 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России». Именно этот документ лег в основу Судебных уставов 20 ноября 1864 г.

Истории мирового суда в России посвящено немало работ. В большинстве случаев исследователи концентрируют внимание на подготовке «Основных положений преобразования судебной части в России», анализе законодательства о мировом суде по Судебным уставам 1864 г. и практической реализации института мировой юстиции в Российской империи¹. При этом мало внимания уделяется развитию идеи мирового суда в промежутках между принятием «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. и Судебных уставов 1864 г. Постараемся далее в какой-то степени восполнить указанный пробел.

Изначально планировалось, что проекты Судебных уставов должны быть полностью подготовлены к 15 января 1863 г.² В реальности этот срок не был выдержан и процедуры подготовки законопроекта значительно затянулись.

Разработка идеи мирового суда продолжалась в рамках комиссии, созданной при Государственной канцелярии и фактически возглавляемой С.И. Зарудным. Комиссия состояла из трех отделений. В первом готовились проекты судоустройства,

во втором — проекты Устава уголовного судопроизводства, в третьем — проекты Устава гражданского судопроизводства. Вопросы, связанные с мировой юстицией, обсуждались во всех трех отделениях. Кроме отделений комиссия работала и в Общем собрании.

В первом отделении в промежуток времени с 6 ноября 1862 г. по 12 сентября 1863 г. было проведено 47 заседаний. Также вопросы судоустройства обсуждались на восьми заседаниях Общего собрания.

Самым объемным среди всех Судебных уставов 1864 г. являлся Устав гражданского судопроизводства, поэтому нет ничего удивительного, что комиссия вела над его составлением самую интенсивную работу. С 30 ноября 1862 г. по 24 октября 1863 г. соответствующее отделение провело 91 заседание, а в Общем собрании проект Устава гражданского судопроизводства рассматривался в течение 21-го заседания.

Над проектом Устава уголовного судопроизводства работа велась только в течение полугода — с 14 января по 30 июня 1863 г., однако весьма интенсивно. Так, в отделении Комиссии по данному вопросу прошло 89 заседаний, а в Общем собрании — 14.

Обсуждения статуса мирового суда вызвало бурную реакцию как в отделениях Комиссии, так и в ее Общем собрании. Наиболее острым было обсуждение четырех вопросов:

- 1) об избирательных собраниях, создаваемых специально для выборов в мировые судьи;
- 2) о размере имущественного ценза, которым должны были обладать кандидаты в мировые судьи;
- 3) о сроке, на который должны были избираться мировые судьи;
- 4) о предоставлении звания почетных мировых судей некоторым категориям должностных лиц.

В Комиссии рассматривалось несколько хотя формально и альтернативных, но реально близких в содержательном плане проектов устройства мирового суда. Их сравнительный анализ приводит нас к выводу о том, что в конечном итоге при составлении Учреждения судебных установ-

¹ Демичев А.А. Мировой суд в Российской империи по Судебным уставам 1864 г. // История государства и права. 2012. № 4. С. 36–39; Лонская С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864–1917 гг.): монография. М.: Юрлитинформ, 2013; Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Лонской. М.: Проспект, 2016; и др.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 1190. Оп. XVI-I. Д. 1. Л. 1об.–2.

лений за основу был взят проект В.П. Буткова «Учреждение судебных мест»³.

В.П. Бутков в своем проекте предлагал четко сформулированные требования к кандидатам в мировые судьи: «...в мировые судьи могут быть избраны те из местных жителей, которые имеют не менее 25-ти лет от роду, получили образование в высших или средних учебных заведениях, или же прослужившие не менее трех лет на таких местах, на которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел», не находящиеся под следствием или судом, «если при всем том они сами, или их родители или жены владеют, хотя бы и в разных местностях, недвижимую собственностью, приносящую не менее 100 руб. сер. чистого годового дохода»⁴. Оппонировали этому мнению несколько авторитетных членов комиссии (Буцковский, Даневский, Есипович, Желтухин, Перетца, Принтц, Ровинский, Эссен), полагавших, что имущественный ценз является гарантией независимости мировых судей, поэтому он должен быть высоким — не менее 500 руб.⁵ Однако подавляющее большинство комиссии из 20 человек в составе Бычкова, Зубова, Зарудного, Квиста, Шубина, Репинского, Плавского и других поддержали В.П. Буткова, полагая, что высокий размер ценза не гарантирует ни независимость, ни самостоятельность мировых судей. Да и принятие такого правила привело бы к

существенному сокращению количества кандидатов в мировые судьи⁶.

В.П. Бутков полагал, что мировые судьи должны избираться простым большинством голосов на уездных земских собраниях⁷. Это мнение вызвало возражение у семи членов комиссии, высказавших пророческие опасения, что «участие всего народонаселения в делах правосудия будет отдана в руки небольшого числа лиц», из которых должны были составляться земские собрания, причем лиц, не всегда заинтересованных в решении местных дел⁸. Соответственно предлагалось ввести непосредственное и более широкое участие населения в выборах мировых судей, иначе доверия населения к мировым судьям не будет⁹. Выказанное мнение меньшинства не поддержал 21 член комиссии. В итоге законодательное воплощение получила позиция В.П. Буткова по данному вопросу.

В своем проекте В.П. Бутков предлагал предоставить земским собраниям право избирать в мировые судьи лиц, не удовлетворяющих требованиям ряда цензов в тех случаях, когда те «приобрели общественное доверие и уважение своими заслугами и полезною деятельностью»¹⁰. Решение подобного рода должно было приниматься только квалифицированным большинством уездных земских комиссий.

Следующим спорным вопросом стал вопрос о срочности либо бессрочности отправления обязанностей мировых судей. Восемь членов комиссии высказали мнение, что мировые судьи должны избираться бессрочно, аналогично членам общих судебных установлений¹¹. Интересно, что одновременно это же меньшинство

³ Приложение к ст. 17 «О порядке избрания в мировые судьи» // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 49: Записка В.П. Буткова и Проект учреждения судебных мест (1863 г.) — Записка государственного секретаря В.П. Буткова и проекты с объяснительными записками Комиссии о преобразовании судебной части, внесенные в Государственный Совет 24 декабря 1863 года. Оп. 3. С. 1–7, 76–78; О мировых судьях (Проект отделения судоустройства) // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 49 (доп.): Работы Отделения судоустройства и Общего собрания Комиссии (1863 г.). Оп. 4, 5; О мировых судьях // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 120. Оп. 1. Д. 118.

⁴ Учреждение судебных мест. Проект. Статья 16 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 49. Оп. 3. С. 3–4.

⁵ Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест (1863 г.) // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 50. С. 9.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Учреждение судебных мест. Проект. Приложение к ст. 17 «О порядке избрания в мировые судьи». Ст. 1–16 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 49. Оп. 3. С. 76–78.

⁸ Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест (1863 г.) // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 50. С. 283.

⁹ Там же. С. 284–285.

¹⁰ Учреждение судебных мест. Проект. Приложение к ст. 17 «О порядке избрания в мировые судьи». Статья 11 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 49. Оп. 3. С. 77.

¹¹ Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест (1863 г.) // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 50. С. 15.

предлагало наделить Правительствующий Сенат правом раз в три года удалять из списка мировых судей лиц, не оправдавших своего назначения¹². Большинство из 20 членов комиссии не посчитало целесообразным замену контроля общества контролем Сената, верно полагая, что, лишившись контроля над мировой юстицией, общество перестанет ей доверять. Кроме того, «весьма нередко может случиться, что общество ошиблось в своем выборе, что лицо избранное не оправдало оказанного к нему доверия, и трудно допустить, чтобы общество не имело никакого способа избавиться от судьи, к которому оно потеряло всякое доверие и уважение»¹³.

Авторитетные члены комиссии Зарудный, Ковалевский и Ровинский высказали консервативное предложение, идущее вразрез с «Основными положениями преобразования судебной части в России» и мнением большинства. Названные члены комиссии полагали, что правами почетных мировых судей должен напрямую наделяться достаточно широкий круг чиновников высшего и местного уровня: ряд должностных лиц Министерства юстиции и Министерства внутренних дел, члены Государственного совета, сенаторы, члены судебных палат и окружных судов, губернаторы, губернские предводители дворянства, председатели уездных земских собраний, городские головы. По мнению авторов предложения, это должно было смягчить разобщение между судом и администрацией, между мировым судом и общими судебными учреждениями¹⁴. По сути, это была попытка «смягчить», а то и в какой-то степени нивелировать, один из принципов Судебной реформы — отделение власти судебной от власти административной.

Естественно, эта позиция не была поддержана большинством членов комиссии

из 24 членов, так как она не согласовалась с принципом избрания всех мировых судей и отделения судебной власти от административной¹⁵.

В ходе разработки процессуальных кодексов — Устава гражданского судопроизводства и Устава уголовного судопроизводства — дискуссионным оказался вопрос о порядке отмены окончательных приговоров съездов мировых судей. Согласно проектам этих уставов в качестве таковой инстанции планировалось установить судебную палату¹⁶. Большинство комиссии стояло именно на этой позиции. Высказывались также мнения о предоставлении этой функции Правительствующему Сенату¹⁷. Как ни странно, но именно мнение меньшинства оказалось более рациональным, и именно оно и было положено в дальнейшем в основу фрагментов Устава гражданского судопроизводства 1864 г. (ст. 189) и Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 176).

В целом, оценивая работу комиссии, созданной при Государственной канцелярии и действовавшей в период времени между принятием «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. и Судебных уставов 1864 г., можно утверждать, что она велась интенсивно и в русле развития главных идей «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. в плане судостроительства, гражданского и уголовного судопроизводства с участием мировых судей.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Проект устава уголовного судопроизводства. Статья 145 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 51. 24–25; Проект Устава гражданского судопроизводства. Статья 131 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 54. С. 22.

¹⁷ Объяснительная записка к Проекту Устава уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 52. С. 108; Объяснительная записка к Проекту Устава гражданского судопроизводства. Часть первая (К книгам 1–3) // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 55. С. 92–96.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест. С. 26–27.

Литература

1. Демичев А.А. Мировой суд в Российской империи по Судебным уставам 1864 г. / А.А. Демичев // История государства и права. 2012. № 4. С. 36–39.
2. Лонская С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864–1917 гг.): монография / С.В. Лонская. Москва: Юрлитинформ, 2013. 164 с.
3. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография / под редакцией А.Д. Поповой, С.В. Лонской. Москва: Проспект, 2016. 286 с.

Тенденции развития судебной системы Российской Федерации на примере организации конституционного правосудия

Даниелян Даниель Рафикович,
юрисконсульт Московского государственного университета спорта и туризма (МГУСиТ)
daniel.430@mail.ru

В статье исследуются проблемы конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации. Автор приходит к выводу о смене принципов организации конституционной юстиции в России и дает оценку сложившейся практике организации конституционного правосудия.

Ключевые слова: децентрализация, централизация, конституционная юстиция, конституционный (уставный) совет, компетенция.

Tendencies of Development of the Judicial System of the Russian Federation on the Example of Organization of Constitutional Justice

Danielyan Daniel R.
Legal Counsel at the Moscow State University of Sport and Tourism (MSUST)

The article examines the problems of constitutional justice in the constituent entities of the Russian Federation. The author comes to the conclusion about a change in the principles of organizing constitutional justice in Russia and assesses the current practice of organizing constitutional justice.

Keywords: decentralization, centralization, constitutional justice, constitutional (statutory) council, competence.

Научный интерес к организации конституционного правосудия предопределен значимостью судебного конституционного контроля и выбора модели его осуществления. В целом же на выбор модели судебного конституционного контроля оказывают влияние различные группы факторов: особенности правовой системы государства; организация судебной системы с учетом национальных и исторических традиций; своеобразие конституционно-правового регулирования и, исходя из этого, организации государственной власти¹.

Исследование и учет указанных факторов должны обеспечить устойчивость судебной системы, а также последовательность, предсказуемость и возмож-

ность прогнозирования основных направлений ее развития. Также все изменения, происходящие в рамках судебной системы, не должны противоречить концепции развития судебной власти, основанной на ее идеологии, под которой следует понимать совокупность идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность с точки зрения судейского сообщества. Собственная идеология предполагает необходимость проведения органами судебной власти самостоятельной и независимой по отношению к другим ветвям власти социально-политической линии².

В соответствии с последними изменениями в действующее законодательство

¹ Брежнев О.В. Проблемы организации и осуществления судебного конституционного контроля в субъектах Российской Федерации: монография. Курск, 2005. С. 103.

² Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: Юрист, 2005. С. 184.

Российской Федерации³ конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации (далее — субъекты РФ) упраздняются до 1 января 2023 г. Субъектам РФ предоставлено право принятия решения о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ.

Фактически это означает смену всей парадигмы развития конституционной юстиции, предусматривавшей ранее два уровня конституционного контроля: федеральный — представленный Конституционным Судом Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) и региональный — представленный конституционными (уставными) судами субъектов РФ.

Наличие судебных органов конституционного контроля в субъектах РФ в большей степени соотносилось с федеративным устройством России, поскольку причинами возникновения судебного конституционного контроля являются потребности рационализации и гармонизации федеративных связей⁴.

К числу побудительных причин учреждения института конституционной юстиции в федеративном государстве относится потребность в разрешении споров между Федерацией в целом и ее членами, а также «защита конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, верховенства и непосредственного действия конституций (уставов) на территории соответствующего субъекта Российской Федерации»⁵.

Отметим, что действующее законодательство Российской Федерации предоставляло именно право субъектам РФ в вопросе учреждения органов региональной конституционной юстиции. На законодательном уровне в России была пред-

принята попытка унификации положений о конституционной юстиции в субъектах путем внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации», представлявшего право субъектов Федерации закреплять в конституции (уставе) субъекта РФ дополнительные полномочия конституционного уставного суда (ст. 2)⁶.

В официальном отзыве Правительства Российской Федерации на законопроект⁷ было отмечено: «...установление законодательного регулирования организации уставных судов на федеральном уровне подразумевает необходимость их создания во всех субъектах Российской Федерации. Вместе с тем, как следует из положений ч. 2 ст. 17, ч. 1 ст. 27 ФКЗ „О судебной системе Российской Федерации“, создание конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации относится исключительно к компетенции субъекта Российской Федерации, как, соответственно, и установление срока полномочий судей, порядка наделения полномочиями судей, порядка рассмотрения вопросов, относящихся к компетенции суда, и иных положений».

Отсутствие политического решения проблемы повсеместного образования конституционных (уставных) судов не лучшим образом сказывалось на организационно-правовых аспектах реализации конституций и уставов⁸.

Ретроспективный анализ положений федерального законодательства и законов субъектов РФ о компетенции конституционных (уставных) судов позволяет выде-

³ Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита конституций. Ростов н/Д, 1992. С. 12.

⁵ Загорский Г.И., Попов К.И. Судебные и правоохранительные органы: курс лекций : в 2 т. / под ред. Г.И. Загорского. М. : Проспект, 2020. Т. 1. С. 177.

⁶ Законопроект № 516143-6 «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации». 2014. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/516143-6>

⁷ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 516143-6 «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации», внесенный Парламентом Республики Северная Осетия — Алания (на № 2.3.3-17/1137 от 17.09.2014). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/516143-6>

⁸ Ишеков И.А. Теоретико-правовые основы реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти : монография / под общ. ред. П.П. Сергуна. М. ; Саратов, 2012.

лить различные подходы к определению компетенции органа региональной конституционной юстиции.

В Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 27) (далее — Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации») установлена цель создания конституционного (уставного) суда субъекта — рассмотрение вопросов соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления субъекта РФ Конституции (уставу) субъекта РФ, а также для толкования Конституции (устава) субъекта РФ.

Как показывает практика, органы конституционной юстиции зачастую обладают большим объемом полномочий, чем предусмотрено в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», а полномочия самих органов конституционной юстиции могут отличаться в зависимости от субъекта.

В научной литературе предложена классификация полномочий по трем группам: 1) типичные; 2) достаточно распространенные и 3) нетипичные (эксклюзивные)⁹.

К первой группе относят полномочия, присущие всем органам конституционной юстиции: они заимствованы из Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и получили дальнейшее закрепление в Конституциях (уставах) субъектов РФ и законах о региональных органах конституционной юстиции.

Ко второй группе относят полномочия, которыми наделены региональные органы конституционной юстиции по аналогии с Конституционным Судом РФ, что доказывает следующее: «...по своей природе конституционные (уставные) суды субъектов Федерации аналогичны природе Конституционного Суда РФ»¹⁰.

Например, полномочиями по проверке конституционности нормативно-право-

вых актов главы субъекта РФ (правительства и иных органов исполнительной власти субъекта РФ) обладают республики Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Карелия, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия — Алания, Татарстан, Чеченская Республика Свердловская и Калининградская области.

К третьей группе относятся полномочия, которыми наделен лишь один орган конституционной юстиции. К примеру, проверка по запросам мировых судей конституционности нормативно-правового акта, примененного или подлежащего применению в конкретном деле (Республика Марий Эл), проведение превентивного контроля нормативных актов, вносящих изменения или дополнения в Основной закон субъекта РФ (Республика Саха (Якутия)).

Полномочия из одной условной группы могут перемещаться в другую, что продиктовано логикой развития конституционной юстиции. Например, полномочие выходить с законодательной инициативой по вопросам собственного ведения, а также проводить предварительный нормоконтроль актов, выносимых на референдум, «переместилось» из разряда эксклюзивных полномочий в группу особых¹¹.

М.А. Митюков ставит под сомнение саму необходимость унификации деятельности конституционных судов, ссылаясь на конституционные суды земель Германии, где у ряда из них есть свои специфические полномочия, и с ними считаются более полувека¹². Границы полномочий земельных конституционных судов определяются принципом современного германского федерализма, обеспечивающим вертикальное разделение государственной власти между Федерацией и субъектами¹³.

¹¹ Портнова Е.В. Правозащитная деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 76.

¹² Митюков М.А. Проблемы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 41.

¹³ Кровельщикова В.В. Конституционные суды земель Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.

⁹ Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. М.: Российское юридическое образование, 2010. С. 193.

¹⁰ Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. М.: Юристъ, 2005. С. 689.

Далее М.А. Митюков обосновывает позицию, что конституционный (уставный) суд субъекта РФ вправе рассматривать вопросы, если они вытекают из исключительной компетенции субъекта и не конкурируют с полномочиями Конституционного Суда РФ и других федеральных судов¹⁴.

Конституционный Суд РФ по данному вопросу пришел к аналогичному выводу, что дела, отнесенные Конституцией Российской Федерации (далее — Конституция РФ), федеральными конституционными и федеральными законами к компетенции Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов, конституционным (уставным) судам субъектов РФ как судам, входящим в судебную систему Российской Федерации, неподведомственны. Предоставление же им полномочий вне указанных пределов не противоречит Конституции РФ, если эти полномочия соответствуют юридической природе и предназначению данных судов в качестве судебных органов конституционного (уставного) контроля и касаются вопросов, относящихся к ведению субъектов РФ в силу ст. 73 Конституции РФ¹⁵.

На сегодняшний день упразднение конституционных (уставных) судов в субъектах РФ сопровождается наделением новых полномочий федерального органа конституционного контроля, поскольку Конституционному Суду РФ предоставлены полномочия¹⁶ по проверке конституционности законов субъектов РФ до их обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) по запросу Президента Российской Федерации.

Таким образом, в рамках судебного конституционного контроля в России бу-

дет наиболее полно реализован принцип централизации. Притом что длительное время конституционная юстиция основывалась на принципе децентрализации и исследователи отмечали лишь степень децентрализации.

По мнению ряда авторов, принцип децентрализации был доведен фактически до абсолютных размеров¹⁷, а по мнению других, принцип децентрализации нельзя признать абсолютным, так как органы конституционного контроля имеют единое функциональное предназначение, а также работают в рамках единой системы конституционного правосудия¹⁸, связь с Конституционным Судом РФ хотя и не выстроена в инстанционном порядке, но между ними декларируется взаимодействие по двум направлениям: 1) в целях взаимного изучения опыта, осуществления информационного обмена; 2) в целях оказания им методической помощи¹⁹.

Конституционные (уставные) советы, которые предполагается создавать вместо конституционных (уставных) судов субъектов РФ, уже не будут являться судебными органами, рассмотрение дел не будет происходить в рамках правил конституционного судопроизводства. Действуя при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, конституционным (уставным) советам субъектов РФ, на наш взгляд, будет труднее обеспечивать реализацию принципов независимости и гласности в своей деятельности.

Более того, на сегодняшний день нет ясности в вопросах формирования конституционных (уставных) советов, сроке их полномочий и (или) возможности граждан обращаться в указанные советы. Как представляется, субъекты РФ получат

¹⁴ Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: сб. нормативных актов / отв. ред. и авт. вступ. ст. М.А. Митюков. М., 1997. С. 46–47.

¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. № 103-О // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1658.

¹⁶ Глава XVII Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Яценко И.С., Девликамов А.А. Конституционное регулирование судебной власти и судебных систем в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ. М., 2007. С. 47.

¹⁸ Гатаулин А.Г. Место конституционных (уставных) судов в судебной системе Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 3 (13). С. 9.

¹⁹ § 76 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации (ред. от 25.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

возможность самостоятельно решать данные вопросы, однако в случае отсутствия однозначных ответов на них достаточно трудно будет обеспечить конституционный контроль в субъектах РФ, а сами советы рискуют стать синекурой.

Подводя итог, отметим, что развитие судебной системы в России не всегда поддается прогнозированию. На примере развития конституционной юстиции в России мы видим смену принципа децентрализации на принцип централизации, а также полный отказ от учреждения органов региональной конституционной юстиции. Законодатель также не воспринял обоснованные в науке предложения по формированию из «простой совокуп-

ности региональных органов конституционного контроля, не образующих единую систему и не имеющих функциональных связей»²⁰ единой подсистемы судебной ветви власти, не реализована попытка унификации полномочий органов региональной конституционной юстиции. Напротив, вместо органов конституционной юстиции в субъектах РФ предусмотрена возможность формирования конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ.

²⁰ Портнова Е.В. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ как органы судебного конституционного контроля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 93.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс / С.А. Авакьян. Москва : Юристъ, 2005. 689 с.
2. Брежнев О.В. Проблемы организации и осуществления судебного конституционного контроля в субъектах Российской Федерации : монография / О.В. Брежнев. Курск : Курский институт государственной и муниципальной службы, 2005. 107 с.
3. Гатауллин А.Г. Место конституционных (уставных) судов в судебной системе Российской Федерации / А.Г. Гатауллин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 3 (13). С. 9–13.
4. Загорский Г.И. Судебные и правоохранительные органы. В 2 томах. Т. 1. Судостроительство : курс лекций / Г.И. Загорский, К.И. Попов ; под редакцией Г.И. Загорского. Москва : Проспект, 2020. 248 с.
5. Ишеков И.А. Теоретико-правовые основы реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти : монография / И.А. Ишеков ; под общей редакцией П.П. Сергуна. Москва : РПА Минюста России ; Саратов : Поволжский (г. Саратов) юридический ин-т (филиал), 2012. 95 с.
6. Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе / Н.А. Колоколов. Москва : Юрист, 2005. 559 с.
7. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации : сборник нормативных актов / ответственный редактор и автор вступительной статьи М.А. Митюков. Москва : Юридическая литература, 1997. 461 с.
8. Конституционный судебный процесс : учебник для вузов / ответственный редактор М.С. Саликов. Москва : Российское юридическое образование, 2010. 193 с.
9. Кровельщикова В.В. Конституционные суды земель Германии : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.В. Кровельщикова. Томск, 2004. 25 с.
10. Митюков М.А. Проблемы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации / М.А. Митюков // Российский юридический журнал. 2009. № 4 (67). С. 34–46.
11. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита конституций / Ж.И. Овсепян. Ростов-на-Дону : Литера-Д, 1992. 317 с.
12. Портнова Е.В. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ как органы судебного конституционного контроля / Е.В. Портнова // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 88–94.
13. Портнова Е.В. Правозащитная деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации : монография / Е.В. Портнова. Москва : Юрлитинформ, 2018. 342 с.
14. Яценко И.С. Конституционное регулирование судебной власти и судебных систем в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / И.С. Яценко, А.А. Девликамов. Москва, 2007. 128 с.

Центр редакционной подписки: тел. (495) 617-18-88 – многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Понятие и критерии правосудности решений уголовного суда

Бурмагин Сергей Викторович,
доцент, заместитель председателя
Архангельского областного суда в почетной отставке,
кандидат юридических наук
serburmagin@yandex.ru

В статье на основе лексического и юридического (уголовно-правового и процессуального) анализа понятия «правосудность» данная правовая категория рассматривается в качестве комплексной характеристики решений уголовного суда и содержательно определяется как соответствие судебных решений критериям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, выступающим в роли и нормативно-правовых требований к судебным решениям, и обязательных свойств, органически необходимых и присущих актам правосудия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное решение, законность, обоснованность, справедливость.

The Concept and Criteria of Justness of Criminal Court Judgments

Burmagin Sergey V.
Associate Professor, Deputy Presiding Judge
of the Arkhangelsk Regional Court (Honorably Discharged)
PhD (Law)

In the article, on the basis of lexical and legal (criminal-legal and procedural) analysis of the concept of "justice", this legal category is considered as a complex characteristic of the decisions of the criminal court and is meaningfully defined as the compliance of court decisions with the criteria legality, validity, motivation and justice, acting as both regulatory requirements for court decisions and mandatory properties that are organically necessary and inherent in acts of justice.

Keywords: criminal proceedings, judicial decision, legality, validity, justice.

Судебные решения, принимаемые в процессе уголовного судопроизводства, воплощают действие судебной власти в сфере уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений, реализуют задачи правосудия применительно к конкретному правовому казусу. Являясь олицетворением не только деятельности суда по отправлению правосудия, но и результата этой деятельности, судебные решения (в особенности итоговые) должны аккумулировать в себе и проявлять вовне все основные свойства уголовного правосудия, т.е. обладать такими качественными характеристиками, наличная совокупность которых не позволяет сомневаться, что правосудие по конкретному делу свершилось в полной мере и должным образом. Иначе говоря, решение уголовного суда должно

быть правосудным. Но что значит правосудное решение?

Согласно словарям русского языка, слово «правосудный» означает «отличающийся правосудием, основанный на праве и справедливости»¹ или «соответствующий требованиям закона, основанный на правосудии»², его синонимами являются слова справедливый, правый, праведный, законный, беспристрастный³. В приведенном лексическом наборе отражается объективно существующая органическая

¹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1948. Т. 3. Стб. 697.

² Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. М., 1987. Т. 3. С. 355.

³ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 478.

связь правосудия с правом, законом и их нравственной основой — справедливостью, которая распространяет свое действие и на принимаемые в процессе правосудия судебные решения.

Несмотря на то что в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой⁴ слово «правосудный» обозначено как устаревшее, оно широко используется в современной судебной практике в качестве характеристики судебных актов, принимаемых в том или ином виде правосудия⁵, но юридический смысл данного термина нормативно нигде не определен. В уголовном и уголовно-процессуальном законе однократно употреблен лишь его антипод антоним — противоположное по значению слово «неправосудный» (ст. 305 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), ч. 8 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)), однако обозначаемое им понятие также не раскрыто.

В многочисленных комментариях к ст. 305 УК РФ, установившей уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, разъясняется, что в уголовно-правовом значении неправосудным признается такой судебный акт, который «постановлен с нарушениями процессуального или материального закона, влекущими его отмену или изменение»⁶,

«вынесен с явным нарушением законодательства о порядке их принятия, о порядке оценки доказательств, с нарушением принципов правосудия»⁷, является необоснованным или незаконным и подлежит отмене или изменению в предусмотренном законом порядке⁸, постановлен с грубым, существенным нарушением процессуального или материального закона и при явном расхождении (несоответствии) выводов суда и фактических обстоятельств дела⁹, «способен причинить ущерб конституционным правам и свободам участников судопроизводства, государственным и общественным интересам»¹⁰.

В диссертации А.Ю. Карташова дается обобщенное, научно обоснованное определение неправосудности приговора или иного решения как несоответствия судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, выраженного в неправильном применении судом норм материального и (или) процессуального права¹¹.

В.А. Кудрявцев, подробно исследуя предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, раскрывает его в ином аспекте: неправосудный судебный акт (а значит, и судебное решение в уголовном судопроизводстве) — это «акт, который был признан в специальных, закрепленных процессуальным законом процедурах, а именно посредством рассмотрения дела

⁴ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. Т. 2.

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2018 г. № 19-АПУ18-5 ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3 ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 18-КГ19-72 ; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 18 июня 2019 г. № 22-2886/2019 по делу № 1-68/2018 ; Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда от 22 октября 2013 г. по делу № 33-1758/2013 ; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 декабря 2015 г. по делу № А44-251/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.

⁷ Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.А. Громова. М., 2007.

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.П. Верин и др. ; отв. ред. В.И. Радченко ; науч. ред. А.С. Михлин. М. : Проспект, 2008 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : испр., доп., перераб. / Т.К. Агузаров и др. ; под ред. А.И. Чучаева. М. : Контракт, 2013 ; Уголовный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / под ред. Г.А. Есакова. М., 2017.

¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2.

¹¹ Карташов А.Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 8, 12–13.

судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, незаконным и (или) необоснованным, а приговор — еще и (или) несправедливым»¹².

Приведенные трактовки позволяют заключить, что неправосудный судебный акт является результатом осуществления судебной деятельности «с серьезным отклонением от функций правосудия и вопреки стоящим перед ним задачам»¹³. Соответственно, решение уголовного суда может считаться правосудным при условии отправления судом правосудия с соблюдением принципов и правил уголовного судопроизводства, разрешения рассматриваемых вопросов сообразно фактическим обстоятельствам дела и на основе действующих норм материального права и иных правовых предписаний.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях регулярно обращается к категории правосудности судебного акта (судебного решения) и активно оперирует ею, подразумевая под правосудностью совокупность таких качеств (свойств) судебного акта, как законность, обоснованность и справедливость¹⁴.

Современная уголовно-процессуальная доктрина однозначно воспринимает парные категории «правосудное» — «неправосудное» в качестве общей правовой оценки судебного решения с точки зрения соответствия его качественного состояния высокому назначению акта правосудия и способности выполнить в конкретном деле роль эффективного инструмента судебного-правовой защиты. При этом понятие правосудности стало обобщающим, оно объяло собой такие издавна разработанные в теории российского уголовного процесса категории, как законность, обо-

снованность и справедливость, а в постсоветский период дополнительно — мотивированность, обозначающие и охватывающие все нормативно установленные правовые требования, предъявляемые к приговору и иным судебным решениям.

Таким образом, в процессуальной науке правосудность признается комплексной характеристикой приговора и иных судебных решений, интегрирующей все предъявляемые к ним как к актам правосудия требования в единое целое — в систему взаимосвязанных условий, соблюдение которых обеспечивает вынесение судом правосудного решения¹⁵.

Законность, обоснованность, мотивированность и справедливость судебного решения выделяются в качестве конструктивных элементов этой системы ввиду их нормативно-правового установления (ст. 7, 297, 305, 307 УПК РФ, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и в юридической литературе чаще рассматриваются и анализируются применительно к приговору¹⁶, который во все времена бесспорно и заслуженно считается наиболее значимым актом уголовного правосудия. Тем не менее развитие и современное состояние теории уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики не оставляет сомнений в том, что указанные условия (требования) правосудности распространяются (в разной степени и сочетаниях) на любые иные

¹² Кудрявцев В.А. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» // Евразийская адвокатура. 2017. № 5. С. 76.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова.

¹⁴ Пункт 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П; Пункт 5.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П; Пункт 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2018 г. № 36-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Соловьев И.Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. С. 7, 11; Чайковская М.А. Свойства приговора: монография. М., 2013. С. 52–54; Беляев М.В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе: монография. М., 2018. С. 88–90, 112–113.

¹⁶ Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 109, 121–125; Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 13–25; Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 11–12; Загорский Г.И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практическое пособие. М., 2010. С. 11–39; Попова И.И. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1. С. 52–54.

решения уголовного суда¹⁷, в том числе промежуточные¹⁸.

Указанные выше условия правосудности судебных решений традиционно и небезосновательно расцениваются учеными-процессуалистами как внутренние свойства решений, определяющие их характер, юридическую сущность и содержание, и отграничиваются от внешних свойств судебных решений, к которым относятся исключительность, общеобязательность, исполнимость, преюдициальность и непроверяемость решений суда¹⁹.

Внутренние свойства являются характерными чертами, признаками судебных решений как процессуальных правоприменительных актов, но в отличие от внешних свойств — не особыми, не отличительными²⁰, они не заданы априорно и не обретаются судебными решениями автоматически при их принятии, а носят условный характер. Судебные решения наделяются свойствами законности, обоснованности, мотивированности и справедливости посредством выполнения судом одноименных правовых требований в ходе практической правосудной деятельности,

являются результатом сознательных и целенаправленных усилий судьи (судей) по приданию своему решению качеств правосудного акта.

Являясь предъявляемыми к судебным решениям требованиями и критериями (условиями) их правосудности, законность, обоснованность, мотивированность и справедливость изначально характеризуют идеальную модель правосудного судебного акта — тот качественный результат, который ожидается к исходу судебной деятельности, и лишь при реализации этих требований (условий) в конкретном судебном решении становятся его свойствами²¹.

При этом условный характер обретения судебным решением указанных внутренних свойств не означает их необязательности. Напротив, внутренние свойства неотъемлемы от судебного решения и в идеале должны быть присущи всем состоявшимся актам правосудия, они, так же как и внешние свойства, представляют собой существенные, а в содержательном плане и достаточно специфичные черты судебного решения, в совокупности и диалектической взаимосвязи с внешними свойствами выражают его качественную определенность в системе процессуальных решений²², характеризуют его как акт органа правосудия.

Отсутствие или неполнота какого-либо из указанных внутренних свойств искажают правовую сущность и умаляют юридическое значение судебного акта, снижают или вовсе аннулируют его способность выполнять роль правового регулятора и важнейшего средства правовой защиты, т.е. свидетельствуют об ущербности решения уголовного суда, поэтому требуют выполнения недостающих свойств, а в случае невозможности корректировки решения влекут утрату им (через отмену) юридической силы.

По своему содержанию внутренние свойства судебного решения совпадают с соответствующими правовыми требованиями, предъявляемыми к судебному решению. Обладание решения суда тем или иным внутренним свойством означает его соответствие тем правовым предписаниям и установлениям, которые в совокупности образуют сущность и объем одноименного требования. Поэтому для раскрытия вну-

¹⁷ Теплов В.А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1974. С. 9; Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 12; Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 15–16; Бозров В.М., Костовская Н.В. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу // *Мировой судья*. 2012. № 8. С. 14–23; Пальчикова М.В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2013. С. 56–81.

¹⁸ Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 23, 27–28; Азаров В.А., Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013. С. 144.

¹⁹ Грошевой Ю.М. Указ. соч. С. 109; Бунина А.В. Указ. соч. С. 12; Коваленко Е.Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 19–21; Попова И.И. Указ. соч. С. 52–58.

²⁰ Аналогичными свойствами законности, обоснованности и мотивированности должны обладать и процессуальные решения других органов и должностных лиц, ведущих уголовное производство.

²¹ Коваленко Е.Н. Указ. соч. С. 20; Беляев М.В. Указ. соч. С. 66.

²² Грошевой Ю.М. Указ. соч. С. 109.

трёх свойств отдельных видов решений уголовного суда необходимо каждый раз обращаться к анализу общих и частных правовых требований, заложенных в уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих основания, содержание, форму и порядок принятия этого решения. Ввиду содержательной идентичности одноименных свойств судебных решений и предъявляемых к решениям требований и зависимости появления первых от соблюдения вторых представляется возможным воспринимать их как парные правовые явления и обобщенно именовать свойствами-требованиями.

Свойства-требования относительно универсальны и в большей части своего объема имеют распространение на уголовно-процессуальные решения иных властных субъектов уголовного процесса, осуществляющих производство по уголовному делу (ч. 4 ст. 7 УПК РФ)²³, но при этом в отношении судебных решений имеют специфическое проявление, которое выражается не только в большем объеме стандартных требований (законность акта правосудия предполагает соблюдение законности в ходе всего предшествующего, в том числе досудебного, производства), но и в наличии дополнительных особых, свойственных правосудию правил и условий, связанных, в частности, с обеспечением права на справедливое судебное разбирательство, гарантиями эффективности и справедливости судебно-правовой защиты и восстановления нарушенного права. Свойства-требования охватывают собой и форму, и содержание любого судебного решения, но применительно к отдельным видам решений имеют различное «наполнение», обусловленное характером, сущностью и назначением того или иного решения в системе уголовного правосудия.

Законность, обоснованность, мотивированность и справедливость как предъявляемые к судебным решениям нормативные требования в уголовно-процессуальном законе не сформулированы, а только обозначены в качестве таковых (ч. 4 ст. 7, ст. 297 УПК РФ) и в определенной степени конкретизированы лишь в отношении

²³ За исключением того, что к процессуальным решениям органов уголовного преследования не предъявляется требование справедливости, а их мотивированность определяется значительно менее строгими правилами и условиями, чем те, которые адресованы решениям суда.

приговора (глава 39 УПК РФ). Такое положение объяснимо тем, что требования к процессуальным решениям, как к общей правовой категории, должны охватывать практически все части и стороны уголовно-процессуальной деятельности, поэтому содержание искомым требованиям весьма затруднительно (если вообще возможно) точно вписать в какую-то одну правовую норму или группу норм, «стянуть» в единую формулировку даже в общем виде, не говоря уже об их дифференцированном изложении в отношении различных типов и видов решений уголовного суда.

Тем не менее законность, обоснованность и другие свойства-требования судебных решений, несмотря на ограниченную регламентацию в УПК РФ, достаточно подробно и всесторонне проработаны в российской процессуальной доктрине. Их содержательная сторона выводится частью из общих и особенных положений уголовно-процессуального закона и принципов судопроизводства, частично из общепризнанных принципов и норм международного права, но в большей степени определяется посредством «негативной» регламентации правовых оснований отмены и изменения приговора и иных решений уголовного суда (ст. 389.15–389.18 УПК РФ), которые составляют суть таких противоположенных по смыслу свойствам-требованиям понятий, как «незаконность», «необоснованность», «немотивированность» и «несправедливость» судебных решений.

Трактовка последних определяется главным образом судебной практикой, которая имеет возможность толковать как сами требования-свойства, так и их антиподы применительно к различным судебным решениям во всем многообразии их видов и форм и сообразно индивидуальным обстоятельствам конкретного судебного дела.

В заключение приходим к выводу, что правосудность является комплексной качественной характеристикой решений уголовного суда и должна определяться через соответствие судебного решения правовым требованиям (критериям) законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, соблюдение которых обеспечивает надлежащее осуществление уголовного правосудия и отвечает высокому назначению актов правосудия.

Литература

1. Азаров В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : монография / В.А. Азаров, В.А. Константинова. Москва : Юрлитинформ, 2013. 216 с.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / З.Е. Александрова. 11-е изд., перераб. и доп. Москва : Русский язык, 2001. 568 с.
3. Беляев М.В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе : монография / М.В. Беляев. Москва : Юрлитинформ, 2018. 184 с.
4. Бозров В.М. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу / В.М. Бозров, Н.В. Костовская // *Мировой судья*. 2012. № 8. С. 14–23.
5. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Бунина. Челябинск, 2005. 26 с.
6. Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.Н. Бутов. Свердловск, 1975. 20 с.
7. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. Харьков : Вища школа, 1979. 144 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. В 2 томах. Т. 2. П — Я / Т.Ф. Ефремова. Москва : Русский язык, 2000. 1084 с.
9. Загорский Г.И. Постановление приговора: проблемы теории и практики : учебно-практическое пособие / Г.И. Загорский. Москва : Проспект, 2010. 200 с.
10. Карташов А.Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Ю. Карташов. Ставрополь, 2004. 22 с.
11. Коваленко Е.Н. Судебное решение: Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2007. 1263 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.П. Верин [и др.] ; ответственный редактор В.И. Радченко ; научный редактор А.С. Михлин. Москва : Проспект, 2008. 699 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : исправлен, дополнен, переработан / Т.К. Агузаров [и др.] ; под редакцией А.И. Чучаева. Москва : Контракт, 2013. 638 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 томах. Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. Москва : Проспект, 2015. 701 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 томах. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / ответственный редактор В.М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2017. 278 с.
17. Кудрявцев В.А. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» / В.А. Кудрявцев // *Евразийская адвокатура*. 2017. № 5. С. 70–84.
18. Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.А. Остапенко. Владимир, 2007. 21 с.
19. Пальчикова М.В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе : монография / М.В. Пальчикова. Москва : Юрлитинформ, 2013. 216 с.
20. Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: Вопросы теории и практики : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.А. Подольский. Екатеринбург, 2007. 25 с.
21. Попова И.И. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве / И.И. Попова // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2015. № 1. С. 52–54.
22. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [с учетом всех последних изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации] / под редакцией Н.А. Громова. Москва : ГроссМедиа, 2007. 606 с.
23. Словарь русского языка. В 4 томах. Т. 3. П — Р / под редакцией А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Москва : Русский язык, 1987. 752 с.
24. Соловьев И.Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.Ф. Соловьев. Воронеж, 1992. 21 с.
25. Теплов В.А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.А. Теплов. Саратов, 1974. 20 с.
26. Толковый словарь русского языка. В 4 томах. Т. 3. П — Р / под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1948. 1424 стб.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков [и др.] ; под редакцией Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. 736 с.
28. Чайковская М.А. Свойства приговора : монография / М.А. Чайковская. Москва : Проспект, 2013. 174 с.
29. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : диссертация кандидата юридических наук / А.С. Червоткин. Москва, 2013. 209 с.

Развитие института недопустимых доказательств в уголовно-процессуальном праве: проблемы и перспективы

Зинченко Игорь Анатольевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Калининградского филиала Международного университета (в Москве),
кандидат юридических наук, доцент
zinchenko3939@mail.ru

Слифиш Мечислав Викторович,
преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
mechislav64@yandex.ru

В статье предпринята попытка критического анализа ряда норм, составляющих уголовно-процессуальный институт недопустимых доказательств. Высказываются предложения, направленные на их совершенствование. Основное внимание уделено преобразованиям, осуществленным в уголовно-процессуальном законодательстве в последние годы. Причина выявленных упущений в конструировании норм о недопустимых доказательствах авторам видится в несовершенстве современной законодательной технологии.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, доказательственное право, доказательства, недопустимость доказательств.

The Development of the Institution of Inadmissible Evidence in the Criminal Procedure Law: Problems and Prospects

Zinchenko Igor A.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Kaliningrad Branch of the International University (in Moscow)
PhD (Law), Associate Professor

Slifish Mechislav V.
Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The article attempts to critically analyze a number of norms that make up the criminal procedural institution of inadmissible evidence. Suggestions have been made aimed at improving them. The main attention is paid to the reforms carried out in the criminal legislation in the last years. The authors see the reason for the identified shortcomings in the imperfection of modern legislative technology.

Keywords: criminal procedural law, evidentiary law, evidence, inadmissibility of evidence.

1. За два десятилетия, минувших после принятия и вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ, Кодекс), в от-

ечественной юридической науке значительно усилился интерес к проблематике, обусловленной недопустимостью доказательств. Только на сайте научной элек-

тронной библиотеки eLibrary (РИНЦ) по запросу «недопустимость доказательств в уголовном процессе» представлены тысячи работ, посвященных данной тематике. При этом нельзя не заметить, что доктринальные воззрения специалистов и нормотворческая практика приобрели несовпадающие тенденции развития. В уголовно-процессуальной теории приоритет отдается понятийным баталиям (что само по себе важно, если они не ограничиваются спорами о словах и терминах). Что же касается уголовно-процессуального права, то в нем реализуются прагматичные изменения и дополнения норм, содержащих дозволения и запреты, нацеленные на собирание, проверку и использование доказательственной информации. Для обсуждения нам представляются более привлекательными **проблемы нормотворчества**, его настоящего и будущего.

Институт недопустимых доказательств пребывает в развитии. При этом преобразованиям подвергаются как нормы, сосредоточенные в специализированной ст. 75 УПК РФ, так и за ее пределами. Например, с позиций реального правоприменения все более совершенную форму приобретает неоднократно корректировавшаяся ч. 5 ст. 165 УПК РФ, предусматривающая возможность признания судьей недопустимыми всех доказательств, полученных при производстве следственного действия, признанного им незаконным.

Внимание большинства процессуалистов привлекает редакция ч. 1 ст. 75 УПК РФ, выполняющая в определенной мере понятийную функцию. В ней закреплено, в частности, правило о невозможности использования недопустимых доказательств как не имеющих юридической силы для доказывания «любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 „настоящего Кодекса“». (Суждения отечественных авторов на этот счет столь многочисленны и однотипны, что можно позволить себе не прибегать к цитированию.) Мы предлагаем обратить внимание на то, что из этой формулировки однозначно следует вывод о возможности использования порочных сведений в иных целях, например, для выяснения обстоятельств, входящих в пределы доказывания, для принятия следователем или судом промежуточных про-

цессуальных решений. Думается, подобная трактовка носящей принципиальный характер нормы УПК РФ, допускающая возможность использования недоброкачественной информации, законодателем не подразумевалась. Так это или иначе, можно только гадать, но в любом случае ключевое в рассматриваемом контексте правило должно иметь более четкое и однозначное легальное выражение. Неслучайно в литературных источниках инициировались предложения о закреплении в УПК РФ иной дефиниции недопустимых доказательств, разместить которую предлагалось в ст. 5 УПК РФ¹.

Мы не можем согласиться и с такими подходами, поскольку их авторы в своих определениях неизменно привязываются к свойствам антипода недоброкачественных сведений — доказательствам допустимым, которые охватывают лишь формальные (процедурные) основания, по которым субъекты доказывания могут признать порочной полученную ими информацию. В результате из поля зрения исследователей исчезают сведения, в признании которых недопустимыми доказательствами приоритет отдается материальным (содержательным) основаниям².

Сложившаяся в уголовно-процессуальной теории ситуация объяснима: задача разработки формальных критериев, по которым можно было бы отграничить допустимые сведения от недопустимых, не из простых. Она, казалось бы, несложно решается на уровне общеправовых рассуждений и деклараций, но чрезвычайно сложна в прагматичном нормативном исполнении, ведь одно и то же процедурное нарушение нормы или норм права может оцениваться неоднозначно как самими правоприменителями, так и лицами, права и интересы которых попораны. Допустим, неразъяснение, неточное или неполное разъяснение прав участнику процессуаль-

¹ Верещагина М.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 9–10.

² Ерпылев И.В. Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11, 23–24.

ного действия может в одних ситуациях оказаться совершенно безболезненным и незаметным для дальнейшего производства упущением, в других — изошренной формой психического насилия над личностью. Можно ли данное нарушение механически причислить к безусловным основаниям, влекущим лишение полученных сведений статуса доказательств, как это предусмотрено в Уголовно-процессуальных кодексах ряда стран ближнего зарубежья (например, ст. 125.2.4 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики, п. 2 ч. 1 ст. 112 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан)? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен.

Юридические понятия пребывают в развитии, однако это вовсе не означает, что результаты научных изысканий должны непременно закрепляться в нормативных актах в форме спорных разъяснений значения достаточно ясных субъектам доказывания терминов³.

Более плодотворным видится создание в Кодексе перечня безусловных и условных (оценочных) оснований для признания тех или иных сведений недопустимыми доказательствами, хотя он, как показывает практика законотворчества, не остается неизменным.

2. В ч. 3 ст. 88 УПК РФ закреплена норма, согласно которой прокурор, следователь или дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого (обвиняемого) или по собственной инициативе. В данном случае нелишне задаться вопросом: почему в досудебном производстве правом заявления названного ходатайства не наделены иные представители сторон? Если в отношении защитника эта позиция еще может быть объяснима — он реализует полномочия, которыми обладает его подзащитный, то применительно к лицам, имеющим в уголовном деле самостоятельный правовой интерес (прежде всего, к потерпевшему), норма в этой части выглядит дискриминационной. Возможность заявления хода-

тайств (как и принесения жалоб) у широкого круга участников процесса сохраняется, однако, руководствуясь данным специальным правилом, прокурор, следователь, дознаватель на формально законных основаниях могут отказать им в удовлетворении соответствующего ходатайства. Думается, в будущем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации ограничение круга лиц, имеющих право на рассматриваемое обращение, должно быть снято. Заметим, что аналогичные нормы Уголовно-процессуального кодекса государств ближнего зарубежья (ч. 1 ст. 106 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения, ч. 2 ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана, ч. 3 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Украины и др.) не содержат подобного ограничения.

3. Гораздо больше нареканий, обусловленных, к огорчению, преимущественно несовершенством законодательной технологии, вызывают дополнения института недопустимых доказательств, принятые в последние годы. Обратимся к некоторым из них:

а) Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁴ (далее — Закон № 73-ФЗ) в УПК РФ внесены существенные преобразования, усилившие гарантии защиты адвокатской тайны, укрепившие статус адвокатов, осуществляющих защиту и представительство по уголовным делам. В частности, ч. 2 ст. 75 УПК РФ дополнена п. 2.1, предусматривающим новое основание, влекущее недопустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. Новелла включила в число недопустимых доказательств предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий. При этом исключение сделано для предметов и документов, указанных в ч. 1 ст. 81 «настоящего Кодекса». Как мы уже отмечали ранее, норма, закрепленная

³ Григорьев В.Н., Зинченко И.А. Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве? (компаративистский взгляд) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 4–9.

⁴ Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

в п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, отчасти парадоксальна⁵. Запрещая получать информацию и ее материальные носители в ходе осуществления негласной работы (по делам определенной категории), она вторгается на чужую территорию — в сферу, регулируемую Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»). Кроме того, из числа материалов, входящих в производство адвоката по делам его доверителей, исключены предметы и документы, обладающие статусом вещественных доказательств. Их изымать разрешается. Надо, однако, заметить, при производстве следственных действий (прежде всего, осмотра, обыска, выемки), а тем более оперативно-розыскных мероприятий, никакие вещественные доказательства не могут существовать по определению. Ведь любые обнаруженные объекты еще не подвергнуты следственному осмотру и в отношении них не вынесено постановление о приобщении к уголовному делу. Приходится только предполагать, что подобного рода несовершенная редакция анализируемой нормы «скрывает» предметы и документы, которые лишь впоследствии могут приобрести статус процессуального источника доказательственной информации. Но в этом случае охранительная функция п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ становится ничтожной. Любому дознавателю или следователю не составит труда найти основания для осмотра, а затем и приобщения к уголовному делу в качестве вещественного доказательства практически любого обнаруженного и изъятого предмета или документа.

Казалось бы, дополнительные гарантии, обеспечивающие защиту материалов, находящихся в досье адвоката, должны вносить правила, содержащиеся в ст. 450.1 УПК РФ, включенной в Кодекс тем же Законом № 73-ФЗ. В ней, в частности, предусматривается, что при производстве осмотра, обыска или выемки в отношении адвоката допустимо изъятие лишь тех объектов, которые указаны в постановлении судьи на их производство.

⁵ Зинченко И.А. Новое основание для признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе // Правда и закон. 2018. № 3 (5). С. 43.

Однако она порождает новые сомнения: чтобы преодолеть запрет, установленный п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (даже при соблюдении всех иных процессуальных гарантий), достаточно включить искомый предмет или документ в постановление судьи на производство следственного действия. Несложно предположить, что действия следователя также будут сочтены правомерными, если он в случаях, не терпящих отлагательства (т.е. без получения судебного разрешения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ)), укажет искомые объекты в своем постановлении, например, на производство осмотра в помещении адвокатского образования⁶.

Велики ли в этих условиях гарантии защиты адвокатской тайны?

Заметим, мы вовсе не имеем в виду отнесение лиц, имеющих статус адвоката, к касте неприкасаемых. Речь конкретно идет лишь о ненадежности процессуальных гарантий защиты сведений, составляющих адвокатскую тайну, ведь на это и было направлено обновление института недопустимых доказательств;

б) Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁷ (далее — Закон № 498-ФЗ) в Кодексе были закреплены новые нормы, нацеленные на защиту интересов лиц, добровольно представивших в налоговые органы специальные декларации, поданные в рамках так называемой амнистии капиталов. Недопустимыми доказательства признаны как сведения, содержащиеся в самой декларации подозреваемого (обвиняемого) и в прилагаемых к ней материалах (п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), так и сведения о нем, указанные в декларации, представленной иным лицом (п. 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Исключения сделаны для материалов, добровольно представленных самим декларантом для приобщения к уголовному делу. Кроме

⁶ Слифиш М.В. О новых правилах защиты адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 15–25.

⁷ Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 52 (часть 1). Ст. 7816.

того, данным законом, во-первых, ст. 140 УПК РФ дополнена ч. 3, запрещающей использовать факт подачи специальной декларации и содержащиеся в ней и в прилагаемых документах сведения в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Во-вторых, в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ включено правило, запрещающее изымать при производстве следственных действий специальную декларацию, а также иные «документы и сведения».

Проведенные в Кодексе преобразования в целом должны быть оценены положительно, однако определенное беспокойство вызывают детали. Именно в них кроются проблемы правоприменения.

Во-первых, обратим внимание на некорректность неоднократно употребляемого в новых нормах словосочетания «документы и сведения», ведь вне документов, а также заключений и протоколов сведения в юрисдикционном производстве существовать не могут.

Во-вторых, авторами закона проявлена небрежность при формулировке ч. 3 ст. 140 УПК РФ. Если еще можно согласиться с требованием о недопустимости использования факта представления специальной декларации в качестве повода для возбуждения уголовного дела, то применительно к сведениям, содержащимся в соответствующих материалах, следовало указывать не поводы, а основания.

В-третьих, весьма неудачно определено место анализируемой запретительной нормы в структуре ст. 164 УПК РФ. Она помещена в ч. 4.1 данной статьи и примыкает к правилу о недопустимости «необоснованного» изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий по уголовным делам о так называемых налоговых и экономических преступлениях (если они совершены в сфере предпринимательской деятельности). В результате подобной топографии нормативного акта правоприменители, ссылаясь в процессуальных актах на ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, лишены возможности продемонстрировать, какую из двух разнородных норм они используют в конкретной ситуации. Более того, создается впечатление, что новелла о недопустимости изъятия декларации и прилагаемых к ней доку-

ментов и сведений также должна быть реализована по ограниченной категории дел. Возникает иллюзия о родственности правил, помещенных в одну и ту же часть ст. 164 УПК РФ, однако неясно, что их объединяет? Думается, подобное решение вопроса изначально законодателем вовсе не подразумевалось. Мы помним, что по данной проблеме, сложившейся в судебной практике, принятию Закона № 498-ФЗ предшествовали разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о недопустимости применения специальной декларации в качестве основания для возбуждения уголовного дела или доказательства⁸. Иной подход противоречил бы требованиям ч. 3 и 4 ст. 4 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 140-ФЗ). При этом в данном вопросе Верховным Судом РФ признавался приоритет Закона № 140-ФЗ над УПК РФ и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Перед высшей судебной инстанцией был поставлен и конкретный вопрос о **возможности использования рассматриваемых правил по всем уголовным делам и в отношении всех обвиняемых**, а не только по уголовным делам о налоговых преступлениях, на который она ответила утвердительно. **Запрет на использование декларации для целей доказывания является абсолютным**. Изложенное убеждает нас в том, что правило, включенное в ст. 164 УПК РФ Законом № 498-ФЗ, целесообразно было разместить в ее тексте в качестве самостоятельной структурной единицы.

Кроме того, если новое правило имеет более общий характер и объем правового регулирования по отношению к запрету на изъятие носителей электронной информации, то в составе ст. 164 УПК РФ оно должно быть размещено до ч. 4.1 на-

⁸ Верховный Суд РФ: запрет на использование в качестве доказательств по уголовному делу деклараций, поданных в рамках «амнистии капитала», носит абсолютный характер // СПС «КонсультантПлюс».

званной статьи в ее предшествующей редакции. Соответствующим образом изменилась бы и нумерация норм.

Отметим в заключение. Перечисленные упущения в УПК РФ легко устранимы при профессиональном отношении к законодательству и качественной экспертизе законопроектов. Например, чтобы исправить одну из наиболее абсурдных в Кодексе норм, закрепленных в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ — она допускает возможность применения необоснованных, а значит, и незаконных мер за пределами ограничений, установленных данной диспози-

цией, — достаточно было изменить порядок слов и исключить из нее термин «необоснованного».

В условиях реформирования досудебного производства, укрепления составительных начал производства судебного (процессы эти закономерны) уголовно-процессуальный институт недопустимых доказательств будет и далее активно развиваться. Целям достижения задач, которые при этом решаются, должны служить и пребывающая на достойном методологическом уровне доктрина, и безупречное законодательство.

Литература

1. Верещагина М.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.А. Верещагина. Челябинск, 2008. 26 с.
2. Григорьев В.Н. Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве? (компаративистский взгляд) / В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 3–10.
3. Ерпылев И.В. Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.В. Ерпылев. Москва, 2016. 30 с.
4. Зинченко И.А. Новое основание признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе / И.А. Зинченко // Правда и закон. 2018. № 3 (5). С. 41–45.
5. Слифиш М.В. О новых правилах защиты адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / М.В. Слифиш // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 15–25.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (общетеоретические и отраслевые аспекты)*

Пупышева Любовь Андреевна,
доцент кафедры уголовного процесса Омской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
lyuba-shabalina@yandex.ru

В статье продолжается дискуссия об особых производствах в современном дифференцированном уголовном процессе России. Автором исследуются общетеоретические и межотраслевые аспекты к определению их критериев и видов. На примере анализа норм кодифицированных нормативных актов, регулирующих относительно самостоятельные отрасли гражданского процесса (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), показано, что категория «особое производство» приобретает межотраслевой характер. Сделан вывод о том, что в отечественных гражданских процессуальных кодексах законодателем permanently поддерживается курс на признание особого производства самостоятельным видом гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дифференциация уголовного процесса, особое производство, особый порядок уголовного судопроизводства, производство о применении принудительных мер медицинского характера, исполнение приговора, гражданское судопроизводство (процесс), арбитражное судопроизводство (процесс), административное судопроизводство (процесс).

Special Proceedings in the Modern Russian Differentiated Criminal Procedure (General Theoretical and Branch Aspects)

Pupysheva Lyubov A.
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article continues the discussion about special proceedings in the modern differentiated criminal process in Russia. The author examines the general theoretical and intersectoral aspects of determining their criteria and types. On the example of the analysis of the norms of codified normative acts regulating relatively independent branches of the civil process, it is shown that the category of "special production" acquires an intersectoral character. It is concluded that in the domestic civil procedure codes, the legislator permanently supports the course of recognizing special proceedings as an independent type of civil proceedings.

Keywords: criminal proceedings, differentiation of criminal proceedings, special proceedings, special procedure of criminal proceedings, proceedings on the application of compulsory medical measures, execution of a sentence, civil proceedings (process), arbitration proceedings (process), administrative proceedings (process).

Как было показано нами в предыдущих статьях, положения и предложения, сформулированные процессуалистами в своих работах по проблеме «особые уголовно-процессуальные производства»,

представляют несомненный интерес. Однако большинство из них спорны, порой не имеют под собой убедительной научной доказательственной базы. Во многом это объясняется тем, что соответствующие

* Начало см. в №№ 6, 7.

исследования феномена «особое производство» ведутся в отрыве от разработок в области общей теории права и отраслевых юридических наук.

Вместе с тем теоретиками права категория «особые производства» не привязывается к какому-либо отраслевому (гражданскому, арбитражному, уголовному) процессу. Конструктивным считается подход, при котором особое производство воспринимается как элемент юридического процесса, представляющего определенный набор правовых процедур и процессуальных производств. Обсуждение вопроса о понятии особого производства в юридическом процессе позиционируется как актуальное научно-исследовательское направление в теории права, результаты которого могут способствовать надлежащей защите прав и свобод субъектов права, реализации конституционных и отраслевых правовых принципов¹.

Что же продуктивного выработано в правовой теории в части понимания особого производства и его признаков применительно к юридическому процессу в целом? Особое производство рассматривается теоретиками права как нормативно установленный особый порядок осуществления юридической деятельности субъектов юридического процесса, направленный на достижение конкретного юридически значимого результата, выступающий в качестве самостоятельного вида процессуального производства и специальных процедур. Соответственно, для признания производства особым следует руководствоваться такими его признаками, как: а) отсутствие спора о праве; б) наличие особого субъектного состава; в) специальный процессуальный регламент (форма, порядок), обусловленный индивидуальными особенностями правоотношений, исключающими возможность их праворегулирования только по общим правилам².

Познавательная и практическая ценность подобного взгляда на характер

и назначение в юридическом процессе особого производства состоит в том, что он позволяет в отраслевых процессах определять с учетом предмета судебной деятельности целесообразность и «меру добавки» к общему процессуальному регламенту основного производства сопутствующих специальных процессуальных норм. Предложенные признаки особого производства дают возможность выбрать систематику расположения в процессуальных кодексах дополнительных процессуальных предписаний к общим правилам ведения основного производства.

Кроме того, используя означенную методологию, можно исследовать еще один аспект правовой природы особого производства. Наличие дополнительных процедур, норм-привязок (по отношению к общим правилам) усложняет структуру процессуальных кодексов и придает им дополнительную казуистичность. Поэтому всякий раз законодателю приходится решать, насколько является существенным для устойчивости конкретной процессуальной отрасли права и законодательства расширение либо сужение предмета судебной деятельности за счет дел особого производства, применение которых в большей степени опосредуется собственными процессуальными нормами. По этим соображениям в теории уголовного процесса обсуждается вопрос о возможности переноса большей части норм главы 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации³.

В свою очередь, настороженно следует отнестись к утверждению о том, что особое производство является компонентом не только гражданского, но и уголовного процесса. В качестве примера особых уголовно-процессуальных производств П.П. Ланг обозначает особые порядки принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и уголов-

¹ Ланг П.П. Особые производства в юридическом процессе: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 13–16.

² Там же. С. 14–20.

³ Сумин А.А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81.

ного судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел в зависимости от лица (субъекта), привлекаемого к уголовной ответственности⁴.

Ранее нами уже ставился под сомнение распространенный в теории уголовного процесса подход к трактовке дифференцированных, упрощенных или усложненных порядков уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу как особых производств. При таком подходе не принимается во внимание один из основных признаков особого производства — отличный от основного производства (в гражданском процессе это исковой порядок, в уголовном процессе — порядок судебного разрешения уголовного дела) предмет судебной деятельности. И, как следствие, рушится вся доктринальная конструкция особого производства. Особые процессуальные производства не чужды уголовному процессу, но они не должны подменяться упрощенными или усложненными процессуальными формами производства по уголовному делу.

Для целей формирования позиции по вопросам о понятии, содержании и видах особых уголовно-процессуальных производств нуждаются в более пристальном внимании отраслевые решения законодателя и основные положения доктрины особого производства в гражданском, арбитражном и административном процессах, т.е. в цивилистическом процессе⁵.

Наибольший интерес в связи с этим имеет законодательная практика деления гражданского судопроизводства на несколько видов: исковое; по делам, возникающим из публичных правоотношений⁶;

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Термин «цивилистический процесс» в последнее время все чаще используется в литературе для обозначения трех видов процесса — гражданского, арбитражного и административного. См., напр.: Цивилистический процесс современной России. Проблемы и перспективы: монография / под ред. Н.А. Громошиной. М.: Проспект, 2017. 206 с.

⁶ Подраздел III Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений»

особое. В порядке научного сопровождения правовой категории «особое производство», получившей нормативное выражение в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР (далее — ГПК РСФСР) 1923 г. и ГПК РСФСР 1964 г., а потом в подразделе IV «Особое производство» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), в литературе ведется активная дискуссия по вопросам о критериях такой классификации, разнохарактерности источников (материально-процессуальное право), степени существенности отличий процедур искового и особого производства, обоснованности регламентации особенностей порядка рассмотрения разных категорий дел в рамках особого производства, месте особого производства в структуре ГПК РФ и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее — АПК РФ).

Детальный анализ сущности особого производства в гражданском процессе представлен А.Ю. Францифоровым в его кандидатской диссертации, посвященной теоретическим и практическим аспектам данного вида судебной деятельности. В понимании автора, особое производство, как вид гражданского судопроизводства, объединяет категории гражданских дел, обладающих единым системо-

(ст. 245–261.8) утратил силу с 15 сентября 2015 г. См.: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 41; Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 9; Аргунов В.В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве (на примере дел особого производства) // Журнал российского права. 2020. № 12; Дергачев С.А. Особое производство в корпоративных спорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9; Шерстюк В.М. Понятие и способы образования институтов и объединений институтов в гражданском процессуальном праве // Современное право. 2019. № 1.

образующим признаком — отсутствием спора о правоотношениях между лицами, участвующими в производстве по делу; указанный вид гражданского судопроизводства обладает самостоятельным предметом судебной защиты, целями судебной деятельности, способом защиты, особенностями реализации общеправовых, межотраслевых и отраслевых принципов⁸.

Особое производство в цивилистическом процессе, по мнению В.В. Аргунова, «представляет собой специфический блок урегулированных процессуальными нормами отношений, возникающих в ходе осуществления судопроизводства по гражданским делам. Развитие законодательства и доктрины, посвященных особому производству, позволяет выявить ряд закономерностей и тенденций в реализации норм этого правового блока, а также оснований включения его в предмет гражданского (арбитражного) процессуального права»⁹.

Перечень дел, рассматриваемых судом в порядке особого производства, установлен ч. 1 ст. 262 ГПК РФ и включает в себя на сегодняшний день 10 их категорий. Причем в приведенной норме сделана оговорка о том, что федеральными законами к рассмотрению в порядке особого производства могут быть отнесены и другие дела (ч. 2 ст. 262 ГПК РФ).

Разнообразие дел особого производства и их индивидуальность обусловили необходимость поиска единого критерия, который позволяет объединить в составе особого производства отдельные категории гражданских дел. Высказана точка зрения, согласно которой в особом производстве не применяются нормы материального права¹⁰. С ней не согласна Н.А. Громошина, считающая, что делам особого производства также свойственна правоприменительная деятельность,

в том числе и в части применения материальных норм. «Однако в каждой из категорий, — пишет автор, — правоприменение отличается от того, что присуще искомому производству или производству по делам из публичных правоотношений. Отличия различны, но само их наличие предопределяет как необходимость особого производства, так и потребность в регламентации особенностей процедур разных категорий дел в рамках особого производства»¹¹.

В теории гражданского процессуального права аргументируется также позиция о том, что целесообразно отказаться от объединения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, под общим названием «Особое производство» с выделением в ГПК РФ одноименного подраздела. Достаточно, как полагает Е.В. Слепченко, выделить каждой категории указанных дел отдельную главу, отразив в ней особенности их судебного рассмотрения¹².

Таким образом, особое производство в гражданском процессе имеет соответствующее нормативное выражение (подраздел IV ГПК РФ) и объединяет 10 категорий гражданских дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение. Производство в суде по любому из этих дел и есть, по терминологии закона, особое производство. Поэтому точнее подраздел IV было бы именовать «Особые производства». В отечественном гражданском процессуальном законодательстве регламентирование особого производства в отдельных подразделах и главах вызвано признанием его самостоятельным видом гражданского судопроизводства, и в настоящее время уже можно говорить о некой исторической традиции в организации законодательства о гражданском судопроизводстве.

Отсутствие спора о праве между сторонами предопределяет неисковой характер особого производства и его

⁸ Францифоров А.Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 7.

⁹ Аргунов В.В. Указ. соч. С. 119–134.

¹⁰ Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011.

¹¹ Громошина Н.А. Указ. соч. С. 13.

¹² Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 23–24.

специальную процедуру, существенно отличающуюся от процедуры искового производства. В качестве признаков самостоятельности особых производств в гражданском процессе в науке гражданского процессуального права указываются самостоятельность предмета судебной защиты, цели судебной деятельности, способ защиты, особенности реализации общеправовых, межотраслевых и отраслевых принципов.

Гораздо проще история у особого производства в арбитражном процессе. В соответствии со ст. 30 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке особого производства дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение для возникновения, изменения и прекращения прав организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (например, установление фактов, связанных с реализацией прав и выполнением обязанностей участниками (акционерами)). Вместе с тем практически все факты корпоративного характера, заявляемые к установлению в порядке особого производства, подпадают под запрет рассматривать в порядке особого производства споры о праве¹³.

Нельзя не отметить и то, что термин «особое производство» употребляется в тексте АПК РФ 2002 г. один раз (ст. 30) для определения круга дел, рассматриваемых в порядке особого производства. В отличие от особого производства в гражданском процессе, которому в ГПК РФ посвящен целый подраздел, включающий 12 глав (главы 27–38), в АПК РФ данный вид судопроизводства не нашел подробного правового регулирования. Более того, он вообще не упоминался в АПК РФ 1992 г. и АПК РФ 1995 г. И только после того, когда АПК РФ 2002 г. «пошел по пути глубокой специализации правовых норм, что не могло не повлиять на содержание и систему отрасли права»¹⁴, особое

производство вошло в предмет регулирования данного кодекса. Этим во многом объясняется и недостаток теоретических работ по данной проблематике¹⁵.

Как отмечает Е.В. Слепченко, в отличие от ГПК РФ, который делит гражданское судопроизводство на три вида (исковое, административное, особое), в АПК РФ выделяется два вида — исковое и административное, а другие дела рассматриваются с особенностями и не объединяются в какой-либо вид судопроизводства, в частности, не выделяется особое производство, хотя и устанавливается в ряде статей АПК РФ (например, ч. 4 ст. 4)¹⁶.

С.М. Пелевин констатирует, что арбитражный процесс не дифференцирован на виды судопроизводств: все дела рассматриваются в порядке искового производства, стороны (истец и ответчик) присутствуют во всех делах, подведомственных арбитражному суду¹⁷.

Аналогично рассуждает В.В. Бутнев, подчеркивая, что единственным средством защиты в арбитражном процессе выступает иск. Арбитражный процесс не знает особого производства. Такое положение порождает трудности при разрешении дел об установлении юридических фактов, и, по мнению автора, необходимо выделить особое производство в качестве отдельного раздела АПК РФ, одновременно расширив перечень дел особого производства¹⁸.

¹⁵ Рассмотрению особого производства в арбитражном процессе непосредственно посвящено исследование А.В. Юдина. См.: Юдин А.В. Особое производство в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002.

¹⁶ Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 110.

¹⁷ Пелевин С.М. Арбитражный суд Российской Федерации: учебное пособие. СПб., 1993. С. 13.

¹⁸ Бутнев В.В. Арбитражный процесс как форма разрешения экономических споров в Российской Федерации // Теоретические проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности в условиях рыночных отношений: тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции (г. Минск, 17–18 апреля 1998 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. В.Ф. Чигир. Минск, 1998. С. 270.

¹³ Дергачев С.А. Указ. соч. С. 28–33.

¹⁴ Шерстюк В.М. К десятилетию ГПК РФ: современные проблемы системы гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 34.

Точнее в оценке перспектив особого производства в арбитражном процессе В.М. Шерстюк и В.В. Аргунов, по мнению которых в АПК РФ особое производство не развито и получило лишь начальную регламентацию в виде главы об установлении фактов, имеющих юридическое значение¹⁹.

Как можно судить по немногочисленным научным исследованиям, посвященным проблемам становления и развития особого производства в арбитражном процессе, теоретические разработки данного направления в лучшем случае дублируются, как и многие положения АПК РФ, повторяют ГПК РФ, аналогичные выводы ученых о правовой природе и критериях (признаках) особого производства в гражданском процессе, а также предложения о его реструктуризации.

Оригинальная ситуация сложилась в области административного процесса, который дифференцирован следующим образом: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) 2015 г. помимо общих правил процесса устанавливает положения, регулирующие особенности производств по отдельным категориям административных дел (главы 21–32), а также упрощенное (письменное) производство по административным делам (глава 33). Понятием «особое производство» КАС РФ не оперирует, хотя с его принятием отдельные дела особого производства (дела о недобровольной госпитализации) «перекочевали» в административное судопроизводство (главы 30 и 31 КАС РФ)²⁰.

Однако, исходя из общих положений КАС РФ, административное судопроизводство может быть только исковым, что исключает возможность существования искового и особого производства в рамках одной процессуальной формы²¹.

В настоящее время специалистам еще предстоит оценить и научно обосновать происходящие изменения, касающиеся набора дел, подлежащих рассмотрению в особом порядке по правилам КАС РФ. В условиях, когда в цивилистическом процессе происходит «передвижка» дел из особого производства в исковое производство (и наоборот), в административное судопроизводство, несудебная процедура заменяется судебной (главы 29 и 32 ГПК РФ, глава 29 КАС РФ), перспективы развития особого производства в рамках административного процесса не ясны.

Итак, проведенный в статье анализ особого производства как правовой и доктринальной категории, разработанной в основном усилиями специалистов в области теории права и гражданского процессуального права на базе гражданского процессуального законодательства, дает возможность рассмотреть основные положения теории особых уголовно-процессуальных производств с межотраслевыми позициями, учесть многолетний опыт реализации в законодательной практике интеграции норм и институтов в самостоятельные виды судопроизводств.

Как видно из анализа, в каждой процессуальной правовой отрасли история становления особых производств индивидуальна. Вместе с тем проявляются и закономерности: прочная связь с нормами материального права; структурное обособление специальных процессуальных норм внутри законодательства; расширение перечня дел особого производства; закрепление общих положений, применяемых ко всем делам особого производства; подключение к рассмотрению отдельных гражданских дел особого производства АПК РФ, вследствие чего институт или правовое образование «особое производство» становится межотраслевым.

В отечественных гражданских процессуальных кодексах законодателем уже в течение столетия поддерживается курс на признание особого производства

¹⁹ Шерстюк В.М. Отрицание отрицания в арбитражном процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 2. С. 40; Аргунов В.В. Указ. соч. С. 119–134.

²⁰ Аргунов В.В. Указ. соч. С. 119–134.

²¹ Терехова Л.А. Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 30–50.

самостоятельным видом гражданского судопроизводства. В результате, как отмечалось ранее, в действующем ГПК РФ структурно выделен подраздел «Особое производство», который по объему размещенного в нем нормативного материала конкурирует с большинством разделов (III–VII) кодекса. Это не прервало теоретических дискуссий «вокруг» особого производства, однако они сконцентрировались преимущественно на вопросе об оптимальности перечня дел, отнесенных законом к особому производству.

В науке уголовного процесса особым уголовно-процессуальным производством *de facto* признается производство о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ)²². В течение многих лет в теории уголовного процесса подчеркивается самостоятельность по отношению к уголовному делу судебного производства по делам, связанным с исполнением приговора²³. В качестве особого производства в уголовном процессе небезосновательно позиционируется и судебная деятельность по разрешению жалоб на процессуальные решения, действия (бездействие) органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу, и проку-

ра²⁴. Особенности предмета правового регулирования (специфичные правоотношения) во всех указанных видах процессуальных производств очевидны. Однако никаких изменений в этой части в УПК РФ не происходит, и их не стоит ожидать до тех пор, пока в его систему не будет введена новая структурная единица в виде раздела, глав, посвященных особым производствам.

В этом направлении стали реформироваться, например, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан (далее — УПК Республики Азербайджан) и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова (далее — УПК Республики Молдова), в структуре которых выделены разделы «Особые производства». В ходе такого реформирования главным был вопрос, который интересует в первую очередь и автора статьи: какие виды уголовно-процессуальной деятельности отвечают признакам особого производства и подлежат в этом качестве включению в одноименный раздел УПК? Законодатели указанных государств продемонстрировали в этой части абсолютно разные подходы, вследствие чего раздел XI УПК Республики Азербайджан и раздел III УПК Республики Молдова, посвященные особым производствам и содержащие их перечень из девяти видов, по большинству пунктов расходятся, что можно объяснить в том числе и недостаточной теоретической разработкой проблемы.

Принципиально важно обратить внимание и на следующее. Актуальность проблемы особых производств в уголовном процессе объективно поддерживается его сформировавшей структурой. Имеются в виду различные направления уголовно-процессуальной деятельности (процессуальные производства), осуществляемые за пределами основного производства по уголовному делу и являющиеся неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. В правовой литературе правиль-

²² По мнению С.В. Бурмагина, производство о применении принудительных мер медицинского характера, имея свои особенности (предмет доказывания, специфичный порядок, характер принимаемого судебного решения), тем не менее остается в группе основных производств и является особым видом уголовных дел. См.: Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 150.

²³ Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979; Николюк В.В. К вопросу об особых производствах в российском уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 75: материалы конференции (г. Томск, 26–28 января 2017 г.): сб. науч. ст. / ред. И.В. Чаднова. Томск: Томский гос. ун-т, 2018. С. 210–223; Николюк В.В., Пупышева Л.А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1.

²⁴ Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 8.

но обращается внимание на «наличие в уголовном процессе самостоятельных и самостоятельных (с точки зрения предназначения, предмета и процедуры) судебных производств»²⁵. Реальное количество судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств определить

сложно, оно измеряется десятками. Это еще раз подчеркивает важность перво-степенной разработки критериев выделения особых производств в уголовном процессе, понимания механизма их взаимодействия с основным производством, практического значения и способов нормативного выражения в структуре действующего УПК.

²⁵ Бурмагин С.В. Указ. соч. С. 156.

Литература

1. Аргунов В.В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве (на примере дел особого производства) / В.В. Аргунов // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 119–134.
2. Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды / С.В. Бурмагин // Государство и право. 2019. № 2. С. 146–159.
3. Бутнев В.В. Арбитражный процесс как форма разрешения экономических споров в Российской Федерации / В.В. Бутнев // Теоретические проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности в условиях рыночных отношений: тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции (г. Минск, 17–18 апреля 1998 г.): сборник научных статей / ответственный редактор В.Ф. Чигир. Минск: ТЕСЕЙ, 1998. 367 с.
4. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.А. Громошина. Москва, 2010. 50 с.
5. Дергачев С.А. Особое производство в корпоративных спорах / С.А. Дергачев // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 28–33.
6. Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров / Т.Н. Добровольская. Москва: б. и., 1979. 140 с.
7. Ланг П.П. Особые производства в юридическом процессе: теоретико-правовое исследование: автореферат диссертации кандидата юридических наук / П.П. Ланг. Казань, 2017. 38 с.
8. Николюк В.В. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? / В.В. Николюк, А.А. Пупышева // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 97–106.
9. Николюк В.В. К вопросу об особых производствах в российском уголовном процессе / В.В. Николюк // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 75: материалы конференции (г. Томск, 26–28 января 2017 г.): сборник научных статей / редактор И.В. Чаднова. Томск: Томский государственный университет, 2018. С. 210–223.
10. Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Носкова. Томск, 2011. 23 с.
11. Пелевин С.М. Арбитражный суд Российской Федерации: учебное пособие / С.М. Пелевин. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1993. 220 с.
12. Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореферат диссертации доктора юридических наук / Е.В. Слепченко. Санкт-Петербург, 2011. 29 с.
13. Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: диссертация доктора юридических наук / Е.В. Слепченко. Санкт-Петербург, 2011. 484 с.
14. Сумин А.А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства / А.А. Сумин // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81.
15. Терехова Л.А. Дрейф административного судопроизводства / Л.А. Терехова // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 30–50.
16. Францифоров А.Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Ю. Францифоров. Саратов, 2009. 28 с.
17. Цивилистический процесс современной России. Проблемы и перспективы: монография / под редакцией Н.А. Громошиной. Москва: Проспект, 2017. 206 с.
18. Шерстюк В.М. К десятилетию ГПК РФ: современные проблемы системы гражданского процессуального права / В.М. Шерстюк // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 19–46.
19. Шерстюк В.М. Отрицание отрицания в арбитражном процессуальном праве / В.М. Шерстюк // Вестник гражданского процесса. 2014. № 2. С. 11–42.
20. Шерстюк В.М. Понятие и способы образования институтов и объединений институтов в гражданском процессуальном праве / В.М. Шерстюк // Современное право. 2019. № 1. С. 83–91.
21. Юдин А.В. Особое производство в арбитражном процессе: диссертация кандидата юридических наук / А.В. Юдин. Самара, 2002. 210 с.

Проблемы, связанные с отказом от использования института подведомственности

Михайлова Екатерина Владимировна,
ведущий научный сотрудник
сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
доктор юридических наук, доцент
e.v.mihailova@bk.ru

В статье исследованы правовые последствия отказа законодателя от использования института подведомственности. Показано, что принятие Кодекса административного судопроизводства было прогрессивным и правильным решением. Автор отмечает, что институт подведомственности традиционно служит не только для разграничения дел между судами общей юрисдикции, арбитражными судами и Конституционным Судом, но и для определения применимого процессуального законодательства и отказ от его использования является нецелесообразным. Предложено отнести все дела публично-правовой природы к ведению судов общей юрисдикции с рассмотрением их по правилам административного судопроизводства.

Ключевые слова: частное и публичное право, правосудие, процессуальная форма защиты, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, подведомственность, отказ в принятии заявления, суд общей юрисдикции, арбитражный суд.

Problems Related to the Refusal from the Use of the Jurisdiction Institution

Mikhaylova Ekaterina V.
Leading Research Scientist of the Department of Civil Law,
Civil and Arbitral Procedure of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS)
LL.D., Associate Professor

The article analyzes the legal consequences of the legislator's refusal to use the institution of jurisdiction. It is shown that the adoption of the Code of Administrative Procedure was a progressive and correct decision. The author notes that the institution of jurisdiction traditionally serves not only to differentiate cases between courts of general jurisdiction, arbitration courts and the Constitutional Court, but also to determine the applicable procedural legislation and refusal to use it is inappropriate. It was proposed to refer all cases of a public nature to the jurisdiction of courts of general jurisdiction with their consideration according to the rules of administrative proceeding.

Keywords: private and public law, justice, procedural form of law protection, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, jurisdiction, refusal to accept an application, court of general jurisdiction, arbitration court.

Последнее десятилетие выдалось весьма насыщенным событиями в области гражданско-процессуального законодательства и знаменовалось существенными изменениями в деятельности по отправлению правосудия. Было существенно модернизировано устройство судебной системы страны, упразднен Высший Арбитражный

Суд Российской Федерации, внесены изменения в порядок обжалования судебных актов в гражданском судопроизводстве, кардинально изменено законодательство о третейских судах. Однако знаковыми явлениями считаю даже не все это, а два события, повлекшие за собой существенное изменение всей сферы государственной за-

щиты нарушенных прав, свобод и законных интересов: во-первых, это принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) и, во-вторых, придание арбитражному судопроизводству статуса самостоятельной процессуальной формы защиты прав и интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности посредством внесения поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г. (далее — Конституция РФ).

Многие годы в Российском государстве существовала «гражданско-процессуальная монополия» на рассмотрение и разрешение всех юридических дел, за исключением уголовных. Судите сами: производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, зародилось в рамках гражданского процесса и до 2015 г. (то есть до принятия КАС РФ) было частью гражданского судопроизводства.

Д.М. Чечот писал: «Наряду с делами по „спорам о праве гражданском“ к ведению суда отнесены дела, возникающие из административно-правовых отношений. Административно-правовые споры существенно отличаются от споров о праве гражданском. Это отличие связано прежде всего с правовым положением спорящих сторон: равенством сторон в гражданских правоотношениях и отношениями власти и подчинения, связывающими стороны в административных правоотношениях. Специфика административно-правовых отношений требует использования в качестве средства правовой защиты не иска, а жалобы. Характер материально-правового притязания, содержащегося в жалобе, отличается от характера гражданско-правового притязания, входящего в содержание иска. Все это определенным образом влияет на существенные процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел, что в конечном счете ведет к выделению дел, возникающих из административных правоотношений, в отдельный (отличный от искового) вид гражданского судопроизводства»¹.

Арбитражные суды ввиду отсутствия указания в ст. 118 Конституции РФ на ар-

битражное судопроизводство как одну из форм отправления правосудия (наряду с гражданским, уголовным, административным и конституционным судопроизводствами) по умолчанию часто рассматривались как специализированные суды, а в тех случаях, когда в арбитражный суд было предъявлено несколько требований, часть из которых подведомственна суду общей юрисдикции, и разделение требований не представлялось возможным, все дело подлежало рассмотрению судом общей юрисдикции по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). Часть дел публично-правового характера (связанная со сферой предпринимательской и иной экономической деятельностью) была отнесена к компетенции арбитражных судов, но и они могли подпасть под юрисдикцию судов общей юрисдикции, если были связаны с требованием гражданско-правового характера.

При этом административное судопроизводство, в отличие от арбитражного, фигурировало в тексте ст. 118 Конституции РФ как отдельная процессуальная форма защиты прав. Реализация ее в качестве вида гражданского судопроизводства противоречила Конституции РФ. Это несоответствие не было формальным — рассмотрение дела публично-правового характера по правилам искового производства не являлось основанием для отмены судебного решения. Необходимо было доказывать, что применение исковой формы защиты в отношении публично-правового конфликта привело или могло привести к принятию неправильного решения по существу.

Между тем производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, всегда имело существенные процедурные отличия от всех иных производств. Наиболее значимые заключаются в особом распределении бремени доказывания по делам о нарушении публичных прав (орган власти или должностное лицо, принявшие оспариваемый акт или совершившие оспариваемое действие или бездействие, должны были доказать соответствие своих актов и действий положениям действующего законодательства), активной роли суда (если в исковом производстве каждая сторона должна самостоятельно доказать наличие

¹ Чечот Д.М. Неисковые производства. М., 1973. С. 5–6.

или отсутствие обстоятельств, с которыми связывает свои требования или возражения, то в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, суд вправе выйти за пределы не только доводов стороны, но и ее требований), праве суда признать явку представителя органа или должностного лица в судебное заседание обязательной, сокращенных сроках рассмотрения и разрешения дел публично-правового характера. Очевидно, что все указанные особенности в первую очередь призваны поддержать в судебном процессе «слабую сторону» публичного правоотношения — гражданина.

А.А. Добровольский и С.А. Иванова отмечали: «В производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, суд также разрешает спор о праве, но о праве не гражданском, а административном. ...Это производство должно рассматриваться как исковое, осуществляемое с определенными процессуальными особенностями, которые обуславливаются характером спорного административно-правового отношения»².

Следует согласиться с мнением В.С. Анохина: «В подобных случаях, думается, речь идет не о споре между неравными субъектами, а именно о требовании проверить законность акта или действия (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц. Поэтому характер административного судопроизводства не просто имеет свои особенности, он по существу отличен от судопроизводства искового»³.

Кроме этого, производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, было неосновательно ограничено перечнем дел, закрепленным в подразделе 3 ГПК РФ, которые полагалось рассматривать по его правилам, и отсутствием четкого критерия определения публично-правового характера конфликта.

Н.Ю. Хаманева правильно указывала: «Спор считается административным, если юридический вопрос, составляющий его

содержание, т.е. материально-правовое отношение, которое связывает стороны, является обычно вопросом административного права. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что предметом судебного разбирательства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, может быть широкий круг отношений, которые регулируются нормами не только административного права, но и других отраслей, например налогового права, экологического права и т.п.»⁴.

Сам термин «гражданское дело» в период до 2015 г. имел широчайшее наполнение: под гражданскими делами подразумевались все спорные правоотношения, возникшие на основе норм гражданского законодательства, а также иного законодательства, за исключением уголовного. Можно сказать и так: гражданские дела — это все дела, кроме уголовных. Такое положение вещей было детерминировано тем обстоятельством, что в рамках гражданского судопроизводства рассматривались и разрешались все неуголовные дела как частноправового характера, так и публично-правового, а ввиду отсутствия арбитражного судопроизводства в перечне ст. 118 Конституции РФ невозможно было говорить об «арбитражных делах» и формально арбитражные суды рассматривали и разрешали гражданские дела.

Таким образом, проблема подчиненного характера административного судопроизводства и неопределенность положения арбитражного судопроизводства (его даже не рекомендовалось называть судопроизводством, в литературе деликатно писали «арбитражный процесс») определяли настоятельную потребность в определенных решениях законодателя, и решения эти были найдены.

Прежде всего, принятый в 2015 г. КАС РФ конституировал обособление административного судопроизводства от гражданского и привел в соответствие с конституционными положениями систему процессуальных форм защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов в государстве.

² Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 133–135.

³ Анохин В.С. Оспаривание нормативных правовых актов // Арбитражная практика. 2005. № 11. С. 59–68.

⁴ Хаманева Н.Ю. Административная юстиция и административно-правовые отношения: теоретические проблемы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 1. С. 47.

Обсуждение практического воплощения в жизнь административного судопроизводства было давним и жарким. Высказывались разные мнения.

Так, Д.Н. Бахрах говорил о нецелесообразности формирования в стране административных судов. Он весьма образно указывал, что «когда много судов, гражданин должен бегать по адвокатам, чтобы узнать, в какой суд он должен обратиться»⁵.

Убедительно высказался А.Т. Боннер: «Создание таких судов вряд ли сделает правосудие более доступным. Кроме того, проблема правосудия по делам, связанным с проверкой законности действий государственных и муниципальных органов и их должностных лиц, останется и после создания специализированных административных судов. Речь идет о том, что в очень многих случаях, разрешая „чисто гражданский“ спор, суд одновременно вынужден проверять законность действий и решений соответствующих органов и их должностных лиц. Спрашивается, кто будет разрешать такого рода дела после создания специализированных административных судов?»⁶.

Противником становления административной юстиции в России являлся М.Я. Масленников, который высказал вполне обоснованное мнение о том, что создание административных судов связано с образованием новых организационных структур, что, по мнению ученого, осложнит систему соответствующих органов, породит сложности при разграничении компетенции общих и административных судов и т.д.⁷

Итак, основные возражения сводились к тому, что в случае создания отдельной

системы административных судов перед правоприменителем остро встанет проблема определения подведомственности дела.

В результате многолетних обсуждений было решено аккумулировать административное судопроизводство в руках судов общей юрисдикции. Предполагалось, что это избавит граждан от проблем с определением подведомственности их требований и обеспечит эффективный доступ к судебной защите.

В 2018 г., видимо, на фоне экспансии идеи унификации судебной системы принимается решение о внесении изменений в ряд законодательных актов, в том числе в КАС РФ, в котором появляется ст. 16.1 «Переход к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства». Данная норма предполагает следующее. Во-первых, при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, другие — в порядке административного судопроизводства, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Во-вторых, если предъявленные в суд требования, подлежащие рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, подсудны данному суду, вопрос об их принятии к производству разрешается судьей в соответствии с законодательством о гражданском судопроизводстве на основании засвидетельствованных им копий искового заявления и соответствующих приложений к нему документов. В-третьих, суд, установив в ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по административному делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства.

Фактически норма ст. 16.1 КАС РФ закрепляет право (и обязанность, поскольку поступить иначе, чем установлено в законе, суд не может) судьи «жонглировать» процессуальными кодексами и отдельными, самостоятельными судопроизводствами — гражданским и административным. Получив административное исковое заявление и определив, так сказать, «на глаз»,

⁵ Бахрах Д.Н. Закон о федеральных административных судах требует обсуждения // Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах : материалы конференции (г. Москва, 15–16 марта 2001 г.) : сб. науч. ст. М. : Российский государственный университет правосудия, 2001. С. 256.

⁶ Боннер А.Т. Некоторые проблемы доступности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Труды ВЮЗИ. 1771. Т. 17. URL: http://www.legist.ru/conf/_Bonner.htm (дата обращения: 29.03.2021).

⁷ Масленников М.Я. Административно-юрисдикционный процесс. Сущность и актуальные вопросы правоприменения по делам об административных правонарушениях. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 98.

что требование, в нем содержащееся, имеет не публично-правовой, а гражданский характер, судья, вместо того чтобы вынести определение об отказе в принятии административного искового заявления, просто берет и возбуждает производство по делу, но не по административному, а по гражданскому, по правилам ГПК РФ, то есть, подчеркиваю особо, по правилам искового производства.

Очевидно и несомненно, что, принимая норму ст. 16.1 КАС РФ, законодатель руководствовался благими намерениями — не дать судам возможность «гонять» граждан по судебным инстанциям, а без промедлений возбудить производство по делу и защитить нарушенное право.

Однако известно, какой путь вымощен благими намерениями.

Выше были указаны наиболее важные, существенные в первую очередь для гражданина специфические правила рассмотрения дел публично-правового характера. Эти особенности административного судопроизводства (особое распределение обязанностей по доказыванию, активная роль суда, процессуальные сроки и проч.) представляют собой серьезные процессуальные льготы для граждан, являющихся «слабой стороной» публично-правового конфликта. Собственно, именно эти специфические процессуальные правила-льготы и были всегда основанием для выделения производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, сначала в вид гражданского судопроизводства, а затем в отдельную процессуальную форму защиты нарушенных публичных прав, свобод и законных интересов.

Кроме этого, на сегодняшний день в КАС РФ отсутствует критерий определения дел публично-правового характера, которые должны рассматриваться по правилам административного судопроизводства.

В определенной степени этот пробел восполнен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 26), в котором указано: «К административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоот-

ношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику». При этом уточнено, что не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда.

Однако, как известно, акты Пленума Верховного Суда РФ хотя и имеют обязательный характер, правовых норм не устанавливают и источником права не являются. К тому же положение, исключающее дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда, является весьма спорным. На мой взгляд, указанные дела отвечают всем признакам публичных правоотношений, перечисленным в этом же Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Они не основаны на равенстве субъектов и автономии их воли, и совершенно очевидно, что в рамках этих правоотношений один из их участников реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику. Таким образом, вопрос о природе нарушенного права и характере спорного правоотношения решается судом общей юрисдикции самостоятельно, исходя из внутреннего убеждения.

На практике это приводит к столкновению убеждений судов и, как следствие, затягиванию судебных разбирательств. Например, Определением судьи Центрального районного суда г. Новосибирска от

1 сентября 2016 г. административное исковое заявление возвращено в связи с тем, что подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства и неподсудно районному суду. Исследовав материал по частной жалобе, изучив частную жалобу, суд вышестоящей инстанции пришел к выводу о том, что критерием правильного определения вида судопроизводства (искового или административного) является характер правоотношений, из которых вытекает требование лица, обратившегося за судебной защитой. Сославшись на Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 26, судебная коллегия указала, что правоотношения государственного органа, отказавшего в регистрации права, и административного истца не основаны на равенстве, автономии воли участников. Отказ в государственной регистрации права исходит от государственного органа, наделенного административными полномочиями по исполнению и применению законов по отношению к другому участнику. В связи с этим судебная коллегия пришла к выводу о том, что судьей районного суда неверно установлена правовая природа спорных правоотношений, что повлекло за собой вынесение определения о возврате заявления с нарушением норм процессуального права. Заявленные истцом требования подлежат рассмотрению в порядке, установленном КАС РФ⁸.

Можно констатировать: вопрос о применении конкретной процессуальной формы к спорному правоотношению, в соответствии со ст. 16.1 КАС РФ, решается сегодня судом на основании его внутреннего убеждения.

Основная проблема заключается в том, что в случае расхождения убеждения судьи с мнением самого лица, ищущего судебной защиты своих нарушенных прав, относительно того, по правилам какого процессуального кодекса следует рассматривать и разрешать дело — ГПК РФ или КАС РФ, — последний не может предпринять никаких мер по отстаиванию своей позиции. Если бы в принятии административного искового заявления гражданину было отказано, он мог бы обжаловать это определение

в суд вышестоящей инстанции и, вполне возможно, добиться рассмотрения его дела в рамках административного судопроизводства и воспользоваться всеми процессуальными льготами этой процессуальной формы отправления правосудия. Однако в случае возбуждения производства по его заявлению, пусть и по правилам ГПК РФ, обжаловать ему нечего. Ему придется пройти путь по доказыванию своего требования по всем правилам искового производства, сражаться с властным субъектом «на равных» и лишь после вынесения решения по делу добиваться справедливости в судах вышестоящих инстанций, доказывая, что неверно избранная судом процессуальная форма защиты его нарушенного права привела или могла привести к вынесению незаконного и необоснованного решения.

Возможно, следует дополнить КАС РФ указанием на то, что возбуждение производства по делу по правилам гражданского-процессуального законодательства, а также переход к гражданскому судопроизводству в ходе судебного разбирательства допускается только с согласия сторон правового конфликта. В случае отказа хотя бы одной стороны от перехода в гражданское судопроизводство либо отказа истца от возбуждения дела в порядке гражданского судопроизводства суд выносит определение об отказе в принятии административного искового заявления или о прекращении производства по делу.

Представляется, что отказ от категории «подведомственность» и закрепление возможности судей свободно «переходить» в гражданское судопроизводство при рассмотрении дел в порядке административного судопроизводства являются преждевременными. Вместо ускорения защиты нарушенного права такой подход в ряде случаев приведет к еще большему нарушению прав.

Можно согласиться с мнением В.Н. Козловой о том, что отказ законодателя от института подведомственности является нецелесообразным⁹.

Впрочем, законодатель, как видно, считает свое решение верным. Так, в п. 24 проекта Постановления Пленума Верховно-

⁸ URL: [https://zakon.ru/blog/2016/11/11/neplohoe_opredelenie_novosibirskogo_oblastnogo_suda_o_sposobe_razlichiya_otneseniya_dela_k_kasu_ili_\(data_obrazheniya: 29.03.2021\)](https://zakon.ru/blog/2016/11/11/neplohoe_opredelenie_novosibirskogo_oblastnogo_suda_o_sposobe_razlichiya_otneseniya_dela_k_kasu_ili_(data_obrazheniya: 29.03.2021)).

⁹ Козлова В.Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 89–93.

го Суда РФ «О применении судами норм КАС РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (в настоящий момент по результатам онлайн-заседания документ был отправлен на доработку) предложено указать, что, установив в ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству или рассмотрения административного дела в суде апелляционной инстанции, что дело подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, судья суда апелляционной инстанции или коллегиальный состав судей данного суда выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства. Такой переход может служить основанием для замены судьи или нескольких судей, в том числе всех судей, входящих в состав суда при производстве по делу в суде апелляционной инстанции¹⁰. При этом остается непонятным: чем будет руководствоваться суд апелляционной инстанции при решении данного вопроса? В КАС РФ не содержится ни исчерпывающего перечня дел публично-правового характера, ни критерия их определения. И что произойдет, если выяснится, что требование не только не имеет публично-правового характера, но и относится к компетенции арбитражного суда? Нормы ст. 194, 309 КАС РФ не предусматривают прекращения производства по делу в связи с тем, что требование должно быть рассмотрено в порядке арбитражного судопроизводства.

Следует иметь в виду то, что, возможно, не учел законодатель, исключая термин «подведомственность» из действующего законодательства: это понятие регулирует не только распределение дел между звеньями судебной системы, но и правила определения применимого процессуального закона. Существование института подведомственности обусловлено необходимостью соблюдения правил ст. 118 Конституции РФ о множественности процессуальных форм отправления правосудия.

Но и от необходимости разграничения дел между самостоятельными и независимыми звеньями судебной системы

¹⁰ URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/zakonnost-perekhoda-v-apellyatsii-ot-administrativnogo-proizvodstva-k-grazhdanskomu-mozhet-podtverdit-plenum-vs/> (дата обращения: 29.03.2021).

(системами судов) никуда не уйти. В условиях существования системы судов общей юрисдикции, системы арбитражных судов (пусть и возглавляемой единым Верховным Судом РФ) и Конституционного Суда Российской Федерации совершенно необходимо правило о распределении между ними дел. Именно поэтому в литературе можно встретить попытки подразделить подсудность на «внешнюю» (которая определяет предметную компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов, то есть фактически подведомственность!) и «внутреннюю» (собственно подсудность в ее исконном понимании)¹¹.

Обращаясь к арбитражному судопроизводству, следует отметить, что принятие поправок в Конституцию РФ 2020 г. положило конец спорам о природе арбитражного судопроизводства и справедливо придало ему статус самостоятельной процессуальной формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Очевидно, что нормы АПК РФ должны быть приведены в соответствие с конституционными установлениями, и сферы гражданского, арбитражного и административного судопроизводств должны быть строго разграничены. Для этого всегда существовал институт подведомственности дел.

Однако идея исключения понятия «подведомственность» из действующего законодательства послужила тому, что на сегодняшний день отказ от принятия искового заявления и прекращение производства по делу по мотиву отнесения спора к ведению ГПК РФ также невозможен.

Вместо этого, если при рассмотрении дела в арбитражном суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 4 ст. 39 АПК РФ). Однако здесь ситуация проще:

¹¹ Ефимова Ю.В. Система подсудности в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 266.

по результатам рассмотрения арбитражным судом вопроса о передаче дела на рассмотрение другого арбитражного суда или суда общей юрисдикции выносится определение, которое может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в десятидневный срок со дня его вынесения (ч. 5 ст. 39 АПК РФ).

Отмечу также, что, несмотря на принятие КАС РФ, часть дел публично-правового характера по-прежнему отнесена к ведению арбитражных судов. Это дела о привлечении субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности; дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, наделенных публичными полномочиями, должностных лиц; дела о взыскании обязательных платежей и

санкций. Кроме этого, Суд по интеллектуальным правам, относящийся к системе арбитражных судов, рассматривает по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, дела об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

При этом действующая редакция АПК РФ по-прежнему не содержит понятия и признаков дел, возникающих из экономических отношений. Полагаю, что во избежание проблем при разграничении дел публично-правового характера на дела, которые следует рассматривать по правилам КАС РФ, и дела, подлежащие рассмотрению в порядке АПК РФ, следует все дела публично-правовой природы отнести к ведению судов общей юрисдикции и рассматривать по правилам КАС РФ.

Литература

1. Анохин В.С. Оспаривание нормативных правовых актов / В.С. Анохин // Арбитражная практика. 2005. № 11. С. 59–68.
2. Бахрах Д.Н. Закон о федеральных административных судах требует обсуждения / Д.Н. Бахрах // Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах : материалы конференции (г. Москва, 15–16 марта 2001 г.) : сборник научных статей. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2001. 275 с.
3. Боннер А.Т. Некоторые проблемы доступности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве / А.Т. Боннер // Труды ВЮЗИ. 1971. Т. 17. URL: http://www.legist.ru/conf/_Bonner.htm (дата обращения: 29.03.2021).
4. Добровольский А.А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А.А. Добровольский, С.А. Иванова. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1979. 159 с.
5. Ефимова Ю.В. Система подсудности в гражданском судопроизводстве / Ю.В. Ефимова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 265–268.
6. Козлова В.Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» / В.Н. Козлова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 89–93.
7. Масленников М.Я. Административно-юрисдикционный процесс. Сущность и актуальные вопросы правоприменения по делам об административных правонарушениях / М.Я. Масленников. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 207 с.
8. Хаманева Н.Ю. Административная юстиция и административно-правовые отношения: теоретические проблемы / Н.Ю. Хаманева // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 1. С. 41–50.
9. Чечот Д.М. Неисковые производства / Д.М. Чечот. Москва : Юридическая литература, 1973. 164 с.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8(495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

ПРОФЕССОРСКИЙ ФОРУМ 2021
«НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Уважаемые коллеги!
Приглашаем к участию в Форуме!

27–30 сентября 2021 года в г. Москве состоится Профессорский форум «Наука и технологии в XXI веке: тренды и перспективы».

В рамках Форума пройдут заседания по секциям:

29 сентября 2021 г.:

- секция 1 «Наукометрия. Интеллектуальная собственность научных произведений»,
- секция 2 «Роль профессора в развитии научных школ»,
- секция 3 «Секция Президентов университетов: о научных стратегиях вузов»,
- секция 4 «Роль научных исследований в повышении качества образования»,
- секция 5 «Продвижение российской науки и трансфер научных технологий»,
- секция 6 «Российская наука в медиапространстве»,
- секция 7 «Совместное заседание общественных советов при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, Министерстве просвещения Российской Федерации и Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации»,
- секция 8 «Институциональная поддержка научных исследований вузов»;

30 сентября 2021 г.:

- секция 1 «Медико-биологические науки»,
- секция 2 «Философские науки»,
- секция 3 «Юридические науки»,
- секция 4 «Экономические науки»,
- секция 5 «Химические науки»,
- секция 6 «Педагогика и подготовка педагогических кадров»,
- секция 7 «Технические науки»,
- секция 8 «Физико-математические науки»,
- секция 9 «Филологические науки»,
- секция 10 «Исторические науки»,
- секция 11 «Военные науки»,
- секция 12 «Социологические науки»,
- секция 13 «Психологические науки»,
- секция 14 «Государственное и муниципальное управление»,
- секция 15 «Политические науки»,
- секция 16 «Науки о Земле»,
- секция 17 «Рекреация и туризм»,
- секция 18 «Теологические науки»,
- секция 19 «Сельскохозяйственные науки»,
- секция 20 «Искусствоведение и культурология»,
- секция 21 «Молодежная политика и развитие спорта».

В целях сохранения и дальнейшего развития научного потенциала российской науки и высшего образования, стимулирования научно-технического развития и поощрения выдающихся научных и педагогических работников Российским профессорским собранием учреждены общенациональные премии: «Профессор года», «Декан года», «Ректор года».

В рамках Профессорского форума 2021 состоится вручение Общенациональных премий.

Форум состоится в смешанном формате. Для участия необходимо пройти регистрацию на сайте Российского профессорского собрания: <https://профессор.рф/registraciya/>